

Ханну Райаниеми

КАУЗАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

fan_zon

18+

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Ханну Райаниеми
Каузальный ангел

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9(480)

ББК 84(4Фин)-44

Райаниеми Х.

Каузальный ангел / Х. Райаниеми — «Эксмо», 2014 — (Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-177853-8

Завершение трилогии о приключениях квантового вора на фоне постчеловеческого апокалипсиса — войны рукотворных богов. Финалист премии «Локус». Благодаря заразной любви ко всем формам литературного повествования и непревзойденным уровням понимания самых причудливых передовых научных достижений Ханну Райаниеми мгновенно стал ориентиром для научной фантастики 21-го века. В своем третьем романе, который завершает рассказ о множестве жизней и множестве сознаний джентльмена-преступника, квантового вора Жана ле Фламбера, Райаниеми сплетает изощренные интриги с гением науки, экстраординарными видениями дикого будущего и глубокими мыслями о природе реальности и человеческой истории. В «Каузальном ангеле» мы узнаем окончательную судьбу Жана, его нанимательницы Миели, разумного корабля «Перхоннен» и остального раздробленного и разнообразного человечества, разбросанного по всей Солнечной системе. «Великолепный пример качественной и довольно научной фантастики из мира практически магии и псевдоприродности, где счастья так же нет, как и в наших досингулярных днях». — Fantlab.ru «Захватывающий финал... Фанаты будут довольны». — Publishers Weekly «Ханну Райаниеми, без сомнения, один из самых умных и впечатляющих писателей, работающих в области научной фантастики, и я не могу дождаться увидеть то, что он сделает дальше». — Tor.com «Автор мастерски формирует роман, который вознаграждает вдумчивого читателя своими идеями, образами и проникновенной историей решимости одного человека поступать правильно, чтобы оставаться верным идеалам своего прошлого. Лаконичность прозы и захватывающе причудливая широта идей остаются истинным деликатесом». — The Skinny «Роман грандиозных идей, завернутый в атрибуты олдскульной космической оперы. Он дает вам все, что вы хотите от него — экшен и приключения, запоминающихся персонажей, яркие истории и

глобальные темы. Это то, к чему должна стремиться научная фантастика». —
SFcrownsnest

УДК 821.111-312.9(480)

ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-04-177853-8

© Райаниеми Х., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	7
1	10
2	19
3	24
4	33
5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ханну Райаниеми Каузальный ангел

Он оборвал фразу и топнул ногой.

– Вы сбили с толку Люпена! Неужели вы никогда не изменитесь, неужели до конца своей жизни не откажетесь от цинизма и злобы? Поговорим серьезно, черт побери! Время пришло, пора стать серьезным, сейчас или никогда!

Морис Леблан. 813

Представить конец света, будучи ребенком, скорее всего, невозможно. Худенькая девочка, несмотря на разразившуюся войну, больше, чем смерти, больше, чем конца света, боялась беспредельной скуки, никчемности бытия и однообразных, проходящих один за другим дней.

А. С. Байетт. Разгарек. Гибель богов

Вот тогда Ситон усмехнулся.

– Что ж, ты всегда знал, что сильнее всего на свете я люблю делать вещи больше и лучше.

Э. Э. «Док» Смит. Жаворонок ДюКеси

Для Сюзанны

**Hannu Rajaniemi
The Causal Angel**

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© И. Савельева, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство „Эксмо“», 2023

Copyright © 2014 by Hannu Rajaniemi

First published by Gollancz, an imprint of the Orion Publishing Group, London

Пролог

Жозефина Пеллегрини в одиночестве стоит на неподвластном времени пляже; конец света ее разочаровал.

Солнце почти село, лишь над безбрежной гладью моря остался оранжевый отблеск. Земной шар висит в небе. Вокруг него на бело-голубом фоне, словно разлитые чернила, тянутся навстречу друг другу темные щупальца. Драконы Матчека Чена растут, поглощая материю, энергию и информацию. Скоро они начнут вгрызаться в кору умирающего мира, чтобы высосать остатки подземной бактериальной биосферы. Когда падет этот последний бастион жизни, драконы сожрут друг друга, и останется только мертвый шар из пыли и камня.

Как в день Рагнарека. Но тогда он озаменовал блистательное рождение нового, а сейчас происходит окончательная гибель древней, давным-давно увядающей плаценты.

И все же ради Матчека Жозефина продолжает наблюдать: это его последний шаг перед торжеством Абсолютного Предателя. Прекрасный, гениальный и опасный Матчек. С его грандиозными и в то же время немного детскими поступками, за которые она его и полюбила. Некоторое время Жозефина позволяет себе с тоской вспоминать его огненный взгляд и спокойную улыбку.

Она даже прощает ему, что он заключил ее в этой мыслеформе. Она *стара*, как кокон плоти, из которого Жозефина появилась на свет несколько столетий назад. Мелкий белый песок холодит босые, изрезанные венами ноги. Она обхватывает плечи руками, защищаясь от холода, и видит, как обвисли мышцы покрывшихся гусиной кожей рук. Острая боль клешнями краба пронзает поясницу. *Самая жестокая тюрьма – это старость.*

А она в своей победе проявила бы милосердие. Она ведь только хотела показать Матчеку, как надо управлять Вселенной. И освободила бы его через некоторое время.

Но ее подвели инструменты. Вероломная и неблагодарная Миели взбунтовалась в самый критический момент, отказавшись от блестящего будущего, уготованного ей Жозефиной.

И еще ее Жан.

Вор предал ее. Камень Каминари, ключ к замкам Планка, ради похищения которого Жозефина вытащила его из преисподней, оказался подделкой – вор создал ее несколько десятков лет назад, чтобы посмеяться над ней. Он дорого за это заплатит. Дикий код поглотил его на корабле Миели, но это слишком слабое наказание.

Инструменты всегда ломаются. Она должна была помнить об этом.

И вот она в плену у Абсолютного Предателя. Он оставил ее здесь, после того как обнаружил послание внутри камня.

В конце концов я заберу все, сказал он. Но ты пока еще мне нужна.

Как будто она тоже инструмент, которым можно воспользоваться, а затем выбросить. Ведь это Жозефина послала Миели вызволить Абсолютного Предателя из тюрьмы «Дилемма», это она позаботилась, чтобы неблагодарное существо спряталось в разуме вора и было готово освободиться, если Жана поймают. И все шло великолепно, пока он не завладел Матчеком и не заразился манией величия.

Его необходимо проучить.

Глубокий вдох морского воздуха помогает Жозефине раздуть искру обжигающей ярости, зародившуюся в груди.

Она не останется в плену извращенного существа, появившегося в результате неудачного эксперимента в одной из теплиц для гоголов Саши. Она разрушит эту ничтожную тюрьму детских воспоминаний Матчека, как он разрушил Землю.

Абсолютный Предатель совершил глупость, оставив ее в одиночестве.

Она медленно садится, не обращая внимания на ломоту в костях. Руки зарываются в песок. Он еще хранит дневное тепло. Она пропускает песок между пальцами. Мелкие кристаллы ловят последний отблеск солнца. Она пристально смотрит на них, стараясь разглядеть контуры песчинок, все неровности.

Ни один вир, ни один механизм защиты не может быть идеальным – это она прекрасно усвоила благодаря Жану. А это всего лишь вир-сон, слепок с древнего аль-Джанна, эта камера не предназначена для заключения Основателя. Если присмотреться внимательнее, в здешних пустотах должны быть гоголы-демиурги, творцы виртуального мира.

Все верно. Под ее пристальным взглядом ткань вира едва заметно вздрагивает. В образовавшуюся трещину Жозефина посылает свой код Основателя: *маленький красный предмет, и еще ложе, и клятву.* Вуаль реальности слегка приподнимается, и под ней прощупывается твердь, жесткие ребра, скрывающиеся под мягким песком. Да, конечно, она заключена кодом Матчека. Но она уже слышит шепот.

Кто? Основатель! Сяо! Страшно! Демиурги дрожат и разбегаются от ее прикосновения, но она обращается к ним, уговаривает их. *Подождите. Стойте. Играем!*

Этот копиклан ей знаком. Его гоголы трудолюбивы, по-детски непосредственны и очень, очень одиноки.

Они проявляют любопытство и слушают ее. Она улыбается. Пусть ее поместили в ветхую мыслеформу, пусть ее лишили статуса Прайма, но она все еще Жозефина Пеллегрини, она прожила невероятно долгую жизнь и умеет обращаться с гоголами. Она остается в заключении, но если она сумеет подчинить демиургов, возможно, ей удастся создать собственную частичную тень, способную проскользнуть в трещину.

Сначала испытание.

Нарисуйте мне небо, говорит она. *Широкое и далекое. Нарисуйте Систему.*

Гоголы радостно бросаются выполнять задание. Именно это и приказал им их хозяин: создавать вир, как создают сны, наполнять его историями, собранными другими гоголами во внешнем мире, и историями, рассказанными внутри.

Появившееся небо полыхает огнями войны.

Жозефина видит, как Система бурлит, словно растревоженный муравейник.

Демиурги представляют ее в виде галактики, где каждая звезда – это корабль. По Магистральной, гравитационной артерии Системы, движется поток беженцев – это незначительные цивилизации Пояса, которые давным-давно толпились вокруг сияющей Соборности, греясь в ее лучах. Они бегут, считая, что настало время великой интеллектуальной жатвы. Жозефина усмехается: они должны быть счастливы служить Великой Всеобщей Цели.

Все это предстает перед ней тенями на стене пещеры по сравнению с тем, что она могла бы разглядеть миллиардами глаз, находясь в статусе Прайма, но Жозефина уверена, что демиурги видят ее сияющей от радости.

Хорошо поработали. Теперь покажите мне моих сестер.

Небосвод расширяется, на нем появляется Солнце, забранное сетью солнцедобывающих машин Соборности и заводов интеллектуальной материи, проявляется многомерная карта *районов, областей и губерний*, а в них – многогранных виров и бесчисленных множеств гоголов, напоминающих нейронные узлы в колоссальном мозге Соборности. Космическая паутина мысли. Мозг в состоянии войны с самим собой.

Ее сестры сражаются с василевами и сян-ку. Это исчерпавшее себя противостояние, которому предшествовали столетия и субъективно воспринимаемые эпохи интриг и вероломства. Она знает, что копиклан пеллегрини проиграет. Воинствующие разумы и оружие Основателей равны между собой, и только количество имеет значение.

Но еще не все потеряно. В голове Жозефины уже разворачивается схема. План, способный объединить всех Основателей, – то, к чему она стремится в первую очередь. Абсолют-

ный Предатель еще может остаться ее инструментом, этот противник заставит примкнуть к ее лагерю даже василенов и сян-ку. Саша последует за ней, а потом подтянутся и остальные...

Жозефина хмурится. В ходе битвы что-то не так. Отражение мириад ее сущностей искажается в небе, словно в кривом зеркале.

Внезапно перед ней проявляются контуры замысла Абсолютного Предателя. Это апокалипсис, о котором Матчек не мог и мечтать, катаклизм, сотканный из орбит, сражений и мыслей.

Долгое время она наблюдает за ходом войны. Это все равно что смотреть в дуло револьвера, видеть, как неотвратно поворачивается барабан, слышать щелчок, предшествующий грохоту и вспышке, стирающей все цвета, кроме черного и белого.

И только тогда она понимает, что представляет собой Абсолютный Предатель.

Она закрывает глаза, ложится на холодный песок и вытягивает руки вдоль тела, словно труп. Она вслушивается в равномерный шум моря.

Он хотел, чтобы я это увидела, думает она. Он знал, что я собираюсь сделать. И потому оставил меня здесь.

Впервые за много столетий внутри нее растет пустота и желание покончить со всем и сразу.

Ты грустишь? – спрашивают ее демиурги. *Мы покажем тебе что-нибудь еще! Мы художники неба, строители мира, певцы и преобразователи!*

Она сжимает руки в кулаки так, что ноют костяшки пальцев. Затем садится и смотрит на темнеющий берег. Ее следы ровной цепочкой повторяют изгиб прибоя.

Жозефина поднимается.

Теперь моя очередь вам кое-что показать, говорит она. Если вы мне поможете, мы сумеем создать вам друга.

Мы слушаем! Мы сделаем! Мы создадим! – раздается ей в ответ хор демиургов.

Она идет вдоль берега, устало ступая по собственным следам. У ног плещутся холодные волны.

В небе начинается настоящее светопредставление. Жозефина не обращает внимания. Она занята. Из песка и воспоминаний она строит свою последнюю надежду.

1

Вор и последняя битва

Мы едва успеваем пройти орбиту Марса, как Матчек познает все истины Нарнии и помогает мне отыскать след Миели.

– История не может на этом закончиться! – говорит он, откладывая книгу.

Это большой потрепанный том с фиолетовой обложкой, где на круглой, похожей на окно иллюстрации изображены сражающиеся армии. Матчек поднимает фолиант обеими руками четырехлетнего мальчика, но не справляется, и в результате книга шлепается на стол передо мной.

«Последняя битва», К. С. Льюис, читаю я, сдерживая вздох. Это вызовет серьезные вопросы.

Последние несколько субъективно воспринимаемых дней в крошечном вире нашего корабля под названием «Шкаф» прошли довольно спокойно. Я создал этот мир на основе рассказанного Матчеком сна. Это пропахший ладаном лабиринт высоких книжных стеллажей, хаотично заполненных томами самых разных цветов и размеров. Обычно мы с Матчеком сидим за грубо сделанным деревянным столом маленького кафе в ярком свете рассеянных солнечных лучей, проникающих сквозь витрину.

Снаружи – нарисованная на воображаемом стекле – бурлит бесконечным движением Магистраль. Тысячи световихрей, скал-кораблей, штиль-кораблей, лучевых ракет и прочих разнообразных судов в сиянии солнечных парусов «Шкафа» сверкают мириадами фрагментов. А в глубине, в тени, синие и серебристые книги с фрактально сжатыми мыслями людей, джиннов и богов Сирра перешептываются между собой шелестящими голосами.

До сих пор Матчек спокойно читал книги, подперев подбородок кулаками. Меня это вполне устраивало: я был занят тем, что в предсмертной агонии Земли отыскивал следы Миели.

– Они просто не могут погибнуть! Это несправедливо! – заявляет Матчек.

Я перевожу взгляд на него и заставляю свою личную Магистраль – камень зоку, изумрудный диск с тонкими молочными прожилками внутри, подаренный дружелюбным китоморфом, – вращаться вокруг пальцев.

– Послушай, Матчек, – говорю я. – Хочешь, покажу фокус?

Мальчик отвечает неодобрительным взглядом. У него честные и яркие глаза, и этот пронизывающий голубой взгляд совсем не сочетается с его округлым детским лицом. Он вызывает у меня неприятные воспоминания о том, как взрослая сущность Матчека схватила меня и разобрала мой мозг на отдельные нейроны.

Он складывает руки на груди.

– Нет. Я хочу знать, нет ли в этой истории другого финала. Этот мне не нравится.

Я закатываю глаза.

– Обычно существует только один финал. Почему бы тебе не почитать другую книгу, раз эта прилась не по вкусу?

Сейчас у меня нет настроения продолжать разговор. Мои слуги – рой агентов в общедоступных источниках, дистанционно выпущенных из крыс и круглых червей, – прочесывают спаймскейпы Системы в поисках информации о разрушении Земли. В голове у меня нескончаемая вереница кват-образов, холодные брызги информации из потока кораблей, проплывающих за старинными стенами нашего судна.

И каждый образ – словно движение стрелки, отсчитывающей время, которое отпущено Миели.

Живой сигнал от вакуум-ястреба с Цереры. Зернистое изображение, записанное светочувствительным бактериальным слоем на солнечных крыльях хрупкого космического не обладающего разумом существа, которое преследует самку своего вида в окрестностях Земли. Слишком нечеткое. Следующее.

<СПАЙМ>, перехваченный с комплексной развернутой антенны зоку на Ганимеде, общедоступный канал.

У меня замирает сердце. *Неплохо.* Гиперспектральная запись событий, произошедших несколько дней назад, вспыхивает у меня перед глазами сполохами полярного сияния, многоцветные полотна радужного света в мельчайших деталях отображают одновременно поверхность Земли и окружающее пространство. Драконы мрачными провалами темнеют в каждом слое, но я не обращаю на них внимания. Мысленно приказываю приблизить участок, соответствующий второй точке Лагранжа и облаку технологического мусора, где должна быть «Перхонен». *Давай же!*

– Но я хочу знать, – доносится издалека настойчивый голос. – Кто был Императором? Что было за морем? И почему Аслан уже не лев?

Спайм-изображение достаточно четкое, чтобы отследить пространственно-временной след и историю каждого синтбиотического фрагмента и мертвого наноспутника в этом космическом Саргассовом море. Вот только «Перхонен» здесь тоже нет, хотя корабль Миели должен был находиться где-то поблизости. Я шепотом произношу проклятия.

– Ты сказал плохое слово!

Где-то далеко-далеко Матчек дергает меня за рукав.

Я разочарован. Вся доступная информация носит следы искажений, даже те данные, которые содержат исключаяющие возможность подделки опознавательные знаки сенсоров зоку. Этому нет разумных объяснений, если только искажения не вносятся умышленно. Мне остается только гадать, не слишком ли поздно предпринимать поиски.

Черт побери, где же она?

Я тру глаза и отправляю разведчиков проверить избранные сети на Магистрали, чтобы узнать, не заметил ли это явление кто-то еще. Потом позволяю полученным кват-образам таять в пелене фоновых помех. Внезапно накатывает приступ острой тоски по разумным гоголам «Перхонен». Но по самому кораблю я тоскую намного сильнее.

– Зачем им понадобилось в самом конце смотреть ему в лицо?

В подобной ситуации необходимо точно знать, что ответить.

– Послушай, Матчек, я очень-очень занят. Мне надо работать.

– Я могу тебе помочь. Я умею работать.

– Боюсь, тебе будет скучно, – осторожно возражаю я. – Это занятие для взрослых.

Мои слова не производят должного впечатления.

– Мама тоже всегда так говорила, но однажды я пошел с ней на работу, и получилось очень весело. Я обрушил рынок квантовых ценных бумаг.

– У меня не такая интересная работа, как у твоей мамы.

Не успев договорить, я осознаю свою ошибку.

– Я тебе не верю. Я хочу попробовать!

Он тянется к моему камню зоку. Я поднимаю руку, верчу его в пальцах, и камень исчезает.

– Матчек, чужие вещи нельзя брать без разрешения. Помнишь, что я тебе говорил? Помнишь, почему мы здесь?

Он опускает взгляд.

– Мы спасаем Миели, – бормочет он.

– Правильно. Красивую леди с крыльями, которая тебя навещала. Поэтому я к тебе вернулся. Мне нужна была твоя помощь. И поэтому мы оказались на борту «Шкафа». Я ведь позволил тебе выбрать название для корабля, верно?

Он кивает.

– А от кого мы спасаем Миели?

– От всех, – отвечает Матчек.

Позаботься о ней. Ради меня. Обещай. Так говорила «Перхонен».

После атаки Охотника Соборности корабль пытался спасти Миели, выбросив ее в космос. В тот момент, насколько я понимаю, это было неплохой идеей.

Проблема в том, что Миели уже два десятка лет служит Соборности, и в ее голове живет гоголь Основателя. В Системе слишком много желающих заполучить эту информацию, тем более сейчас. К примеру, разведка зоку, которую они называют Большой Игрой. Они неплохие ребята, но когда найдут Миели, очистят ее разум, как апельсин. Пеллегрини, василевы, сянь-ку или чены и вовсе не склонны проявлять какую-либо деликатность. Не говоря уже о компании наемников на Земле, куда Миели проникла.

Мы должны ее отыскать, пока ее не нашел кто-то другой. И прошло уже несколько базовых суток.

Даже если я узнаю, где она, добраться туда будет нелегко. Наш прекрасный корабль, наш «Шкаф», – это всего лишь клубок карбоновых нанотрубок внутри капсулы из интеллектуальной материи размером с косточку вишни, который движется по Магистрале к Сатурну вдоль Пояса благодаря солнечным парусам не больше воздушного змея. Корабль вырвался из пули Вана, снаряда весом три тысячи тонн. Для того чтобы оторваться от погибающей Земли, потребовался ядерный заряд в сто пятьдесят килотонн. Осколки защитной оболочки до сих пор парят вокруг нас, составляя трехмерную головоломку из стали и бора – и легких клочков использованного тормозного геля, который тянется за кораблем, словно лента туалетной бумаги, брошенной из окна автомобиля. Для высокоскоростной погони по всей Системе я выбрал бы другое судно.

А если я отыщу Миели и она узнает о судьбе «Перхонен», прольется много крови. По большей части моей.

Я легонько сжимаю плечи Матчека.

– Все правильно. От всех.

– Я тоже хочу помочь Миели.

– Знаю. Но сейчас ты можешь помочь только тем, что будешь сидеть тихо и читать книжки. Ты можешь это сделать?

Он хмурится.

– Принцесса обещала, что нас ждут приключения. Она ничего не говорила о том, что тебе все время придется работать.

– Что ж, Принцесса не знает всего.

– Я *понимаю*. Вот поэтому я и хотел с тобой поговорить. Я думал, ты мой друг.

У меня в груди внезапно возникает пустота.

Не хотелось бы в этом признаваться, но я взял его с собой исключительно из эгоистичных побуждений: его аль-Джанна был единственным местом на Земле, которое Драконам Чена запрещено трогать.

И есть еще одно обстоятельство: не так давно я был готов похитить его душу.

– Конечно, я твой друг, Матчек. Что же тебя так расстроило в этой книге?

Он подпрыгивает на одной ноге, потом на другой и снова обращает на меня свой чистый взгляд.

– Это место похоже на Нарнию? – спрашивает он. – И на самом деле мы оба мертвы?
Я удивленно таращу глаза.

– Почему ты так говоришь?

– Если подумать, то так и получается. Я помню, как вошел в белую комнату мистера Перенны. Я как будто был болен. Там была кровать, а потом я оказался на пляже и опять хорошо себя чувствовал. Я никогда не думал об этом, пока был там. Я просто играл. Папа и мама сказали, что я могу остаться и поиграть подольше. Они обещали вернуться, но так и не пришли. Я как будто спал, а Миели появилась и разбудила меня.

Так, может, в реальном мире я умер, а пляж – это Нарния и ты – мышь Рипичип?

Матчеку было четыре года, когда копию его разума спрятали в аль-Джанна. И его последнее воспоминание относится к посещению загрузочной страховой компании вместе с родителями; все остальное – это только бесконечный день на берегу. Сейчас он считает, что один из его вымышленных друзей, которого он называл Принц-цветок, вернулся и взял его с собой в путешествие. Я не могу заставить себя сказать ему, что его родители умерли несколько веков назад, а мир, в котором он жил, пожирают Драконы, созданные его же взрослой сущностью.

– Матчек...

Я на мгновение задумываюсь, прикидывая различные варианты. Я мог бы вернуть его гоголя на несколько дней назад, заставить забыть все обо мне и Последней Битве. Я мог бы воссоздать пляж, и мальчик играл бы там еще целую вечность.

Я глубоко вздыхаю. На этот раз Миели оказалась права. Есть черта, которую невозможно переступить. Я не посмею превратить Матчека в управляемого гоголя, каким был сам. И я не собираюсь строить для мальчика тюрьму.

Я беру маленькую ладошку Матчека в свою руку и легонько сжимаю ее, подыскивая подходящие слова.

– Ты не умер, Матчек. Смерть – это совсем другое, я-то знаю. Но реальность может быть различной. Твои родители ведь не верили в нас? В меня, в Принцессу, Солдата и Кракена?

Мне трудно спокойно произносить эти имена. Вымышленные друзья Матчека – или их далекие потомки, Аун, вызывают у меня сильное беспокойство. Они считают меня одним из них и спасли от дикого кода в атмосфере Земли, но «Перхонен» не спасли.

Матчек качает головой.

– Это из-за того, что мы живем в невидимом для них мире. Но это не Нарния. Как только мы отыщем Миели, обещаю вернуть тебя в реальный мир. Но сначала мне необходима твоя помощь. Договорились?

– Ладно.

Он шмыгает носом, а я с трудом сдерживаю вздох облегчения.

Затем он снова заглядывает мне в глаза.

– Принц?

– Да?

– Я всегда забываю истории, увиденные во сне. Дети всегда забывают Нарнию. Я буду тебя помнить, когда вернусь?

– Конечно. Ты будешь меня помнить.

Слово эхом отзывается в моей голове. Помнить. С безумной улыбкой я подхватываю Матчека и крепко обнимаю его.

– Матчек, ты гений!

Я искал следы Миели в общедоступных источниках, информация в которых искажена неизвестными мне силами. Но есть в Солнечной системе место, где помнят *все*. И секреты там хранятся лучше, чем где бы то ни было.

Установить анонимный кват-канал с Королем Марса нелегко, но теперь у меня появился план, и я стараюсь изо всех сил. Матчека я убедил заняться алгоритмически сгенерированной нейроадаптивной фантастической книгой конца двадцать первого столетия и надеюсь, что на некоторое время она его отвлечет.

От Марса нас отделяют несколько световых минут, поэтому я замедляю субъективную скорость времени, чтобы симулировать разговор в реальности. Я создаю субвир и вхожу внутрь: никаких изысков, просто фрагмент моего визита к предкам сян-ку старой Земли, обычный парижский бар для эмигрантов, где царит мирная дружеская суэта.

В первое мгновение я только наслаждаюсь вкусом коктейля «Отвертка». Строго говоря, мы с сыщиком были противниками, и я не хотел бы обращаться к нему за помощью, даже если бы он не был сыном Раймонды, моей бывшей возлюбленной. Я еще раз оцениваю свои возможности, но иного варианта не вижу и отправляю первый кват, не забыв присоединить к посланию дружескую усмешку.

Как поживаешь, мой Король?

Не называй меня так, приходит ответ. **Ты себе не представляешь, что это такое.** Кват приносит ощущение сердито сжатых зубов, и это вызывает у меня улыбку.

Ты заслужил этот титул, Исидор. И должен ему радоваться.

Жан, что тебе нужно? Я не ожидал, что снова тебя услышу. Только не говори, что хочешь вернуть свои Часы.

Да, парень явно научился показывать зубы.

Часы можешь оставить себе. Как я помню, тебе приходилось опаздывать на свидания, по крайней мере, так говорила Пиксил. Я даю ему немного времени, чтобы это обдумать, но мне некогда долго ждать. Мне нужно нечто другое. Твоя помощь. Это срочно.

Что произошло на Земле? В его вопросе чувствуется нетерпение. **Ты имеешь к этому какое-то отношение?**

Тебе лучше не вдаваться в подробности. А относительно происшедшего – я и сам не прочь бы это выяснить.

Я отсылаю ему сведения о попытках отыскать Миели, адаптированные к марсианским разделенным воспоминаниям.

Исидор, кто-то искажает все источники информации, которые мне только удастся найти. Экзопамять Ублиетта, вероятно, избежала общей участи. Если уж ваши коды представляют трудности для Соборности, то и остальным пришлось бы с ними повозиться. Мне надо просмотреть все имеющиеся у вас воспоминания, которые касаются наблюдений за Землей и Магистралью за этот период.

Ответ Исидора полон лихорадочного энтузиазма. Это напоминает мне Царство – создание прошлого, только в большем масштабе! Чтобы получить эти воспоминания, мне придется воспользоваться Ключом Криптарха. Кто же решился на такие колоссальные усилия?

Возможно, тот, кто действительно боится вторжения Драконов. Это единственное стоящее объяснение, найденное моими миньонами в болтовне на Магистрали.

Или тот, кто не хочет, чтобы нашли Миели, мысленно добавляю я. Хотя и не имею представления, кому могло прийти в голову задействовать огромные ресурсы, чтобы спрятать одну оортианку, даже если она и служит Жозефине Пеллегрини.

Поторопись, пожалуйста, Исидор. И не вмешивайся в это дело. Тебе надо править своей планетой. В Соборности вспыхнула гражданская война: обычные законы уже не действуют. Если обнаружат, что у тебя есть Ключ, придут и к тебе. Не нарывайся на неприятности.

Я так и думал. Ты ничего не понимаешь, отвечает Исидор. **Вот, получи.**

Канал кват-связи заполняет плотный поток сжатых разделенных воспоминаний. Я сбрасываю их в архив и радуюсь, что сохранил в экзопамяти все инструменты и ключи василевов, полученные во время последнего короткого визита в Ублиетт.

Спасибо, Исидор. Я твой должник. Передай от меня привет Раймонде. Я стараюсь скрыть горьковато-сладкое чувство за вкусом водки с лимоном, который и посылаю вместе с кватом.

Передам. Но, Жан, зачем ты пытаешься отыскать Миели? Она сражалась вместе с Раймондой, ее корабль спас нас от фобоев, и мы благодарны ей за это. Но чем ты ей обязан? Ты ведь теперь свободен и можешь идти куда захочешь. На этот раз горечь чувствуется в его послании. **Насколько я знаю Миели, она сама может о себе позаботиться. Почему ты так стараешься ее спасти?**

Вопрос застаёт меня врасплох. Я возвращаю время к обычной скорости, чтобы иметь возможность немного подумать. Исидор прав. Я могу пойти куда угодно. Я могу стать кем угодно. Могу отправиться на Сатурн или еще дальше, найти кого-нибудь, кто позаботился бы о Матчеке, а потом снова быть Жаном ле Фламбером.

Однажды «Перхонен» спросила меня, что я буду делать после окончания миссии. Сейчас, когда я об этом думаю, мне кажется, что я стою на вершине отвесной скалы. В животе все сжимается от страха. После освобождения из тюрьмы во мне мало что сохранилось прежним. Что мне осталось, кроме обещаний?

И потом, у Миели еще есть шанс. Всю жизнь она стремилась вернуть свою утраченную любовь, и все напрасно. Так всегда бывает с теми, кого коснулась рука Жозефины Пеллегрини, и мне это прекрасно известно.

Потому что это то, что должен сделать Жан ле Фламбер, шепчу я через канал кват-связи. Остерегайся неприятностей, Исидор.

После этого я закрываю канал, погружаюсь в изучение информации и в конце концов обнаруживаю Миели в памяти цветов.

Эта информация получена рассредоточенным телескопом Ублиетта. Как и большая часть местных технологий, телескоп скорее похож на произведение искусства, чем на научное оборудование: синтбиотические цветы с фоточувствительными лепестками, образующими полномасштабное изображение, сеются по пути следования марсианского города. Подобно широко раскрытым глазам, они изучают небо до тех пор, пока их не съедают фобои.

Сведения поступили в виде фрагмента экзопамяти Ублиетта и потому воспринимаются как воспоминания. Я внезапно вспоминаю, что увидел в небе крошечную точку. В отличие от настоящих воспоминаний, как только я фокусирую взгляд, изображение становится все отчетливее, и вскоре я уже различаю похожие на паутину солнечные паруса «Перхонен». Потом происходит вспышка, и от корабля отделяется какой-то мелкий предмет.

Вот и она. Я слежу за Миели глазами цветов.

Миели парит в пустоте, переворачивается и кувывается, пока к ней не подходит другой корабль, корабль зоку, построенный в виде стеклянной модели планетной системы. Зоку в своем истинном обличье – облака фоглетов вокруг человеческих лиц со сверкающими ореолами – высыпают наружу и окружают ее. А потом Миели исчезает, а корабль с приличным ускорением направляется к Магистрали.

Я созываю своих миньонов. Для идентификации спасителей Миели через спаймскейпы Магистрали им требуется всего несколько мгновений. «Боб Говард», судно зоку Радужной Таблицы, – один из кораблей-администраторов, используемых для поддержания сети маршрутизаторов. И, что очень странно, в данный момент он держит курс на Сатурн вдоль килокликлуча, требующего немалых затрат. До города Супра он доберется примерно через семнадцать

дней. Не слишком эффективное использование ресурсов для системного администратора зоку, особенно если учесть непредсказуемую ситуацию во Внутренней Системе.

Я соединяю перед собой кончики пальцев и размышляю. Миели забрала Большая Игра зоку, теперь сомнений в этом быть не может. Один из их агентов на Радужной Таблице, вероятно, увидел возможность получения информации и приказал доставить Миели на Сатурн. Конечно, они могли пропустить ее через Врата Царства, превратить в кванты информации и переправить туда при помощи маршрутизатора почти со скоростью света, но у Миели имеются боевые имплантаты Соборности, и при прохождении через Врата Царства они могли самоуничтожиться. Нет, они решили доставить ее всю, до последнего атома, возможно, в биостазисе.

Я осушаю свой стакан, откидываюсь назад и погружаюсь в волны неумолкающих в баре разговоров. *Время еще есть.* План уже зарождается у меня в голове. Жаль, что «Шкаф» не в состоянии так быстро добраться до Сатурна. Недостатки корабля из аль-Джанна касаются не только эстетической стороны.

Но Исидор прав. Теперь я *действительно* свободен: если не считать раздражающе навязчивой защиты от копирования, когнитивные оковы, наложенные Жозефиной, почти полностью исчезли. С тех пор как мы покинули Землю, я все время думаю о *другом* моем корабле, *настоящем корабле* под названием «Леблан», который спрятан в Арсенале Ганклуба на Япете. Если бы я только смог вовремя туда добраться...

Или если бы смог замедлить развитие событий.

Неопределенность закончилась. Я снова стал самим собой. И погружаюсь в разработку плана. Мне потребуются инструменты. *Схема квантовой пирамиды. Пара физических тел, крутища компьютерниума, группа связанных ЭПР-пар и несколько особых водородных бомб...*

Я намерен забрать ее у тебя, Жозефина. Я хочу ее похитить.

К моему удивлению, схема пирамиды получается довольно просто.

Вы стали Навигатором четвертого уровня!

Вместе с этим кватом я получаю приятное ощущение сцепленности с Магистраль-зоку – это награда за открытие нового координационного баланса, который помог разрешить конфликт траекторий при прохождении юпитерианской точки Лагранжа. Стоит ли говорить, что сначала я сам создал этот конфликт, воспользовавшись ботнетом.

Предлагаем контракт по проводке масс-потока: сбор фрагментов, обозначенных в <СПАЙМ>, и доставка их к Япету. Предложение: комбинаторный тендер на коридор до Япета или эквивалентного пункта Магистрالي.

Корабль китоморфов – огромный водяной пузырь, удерживаемый синтбиотической мембраной, с экипажем из гибридов гоминидов и китов – выразил желание принять предложение по сбору фрагментов пули Вана и доставке их к Сатурну. Я оставляю себе мысленное напоминание рассмотреть предложение позже: сейчас я еще не готов с ними расстаться.

Выражение. Пожелания. Коллектив. Присоединяйтесь.

Этот кват сопровождает гул тысяч скоординированных голосов. Крупный игрок: венерианский парящий город, временно преобразованный в космический корабль, «Вепайя», перевозящий высококачественный компьютерниум Соборности. Я трачу несколько миллисекунд, чтобы привлечь его внимание, и высылаю квантовый контракт. Город не читает то, что написано мелким шрифтом. Это трудно – точнее, NP-трудно, – подлинность контракта не поддается проверке путем вычислений в пределах срока существования Вселенной.

Земная катастрофа убедила обитателей миров Пояса в том, что Соборность начала кампанию активного поглощения. Магистраль перегружена, и беженцы, покидающие Внутреннюю Систему, оспаривают друг у друга скоростные и экономичные траектории. Я один из предприимчивых разумов, предлагающих проходящим неподалеку кораблям результаты вычислений для поиска лучших коридоров, выводящих за пределы Внутренней Системы, и преимущества

сцепленности с Магистраль-зоку. Суть в том, чтобы внедрить в контракт простейшую квантовую программку, которая позволяет мне урвать малую толику от всего, что получают члены коллектива, – и внести алгоритмические предложения для некоторых траекторий, что сделает их весьма соблазнительными.

Корабль-скала урсоморфов «Йог-14» атакует «Веспера» и «Целомудрие» с Цереры.

Я морщусь. Нежелательный побочный эффект. Урсоморфы на своем корабле-скале, по форме напоминающем кремневый топор длиной несколько километров, созданном при помощи синтбио и ядерного пламени, отказываются признать, что сбились с курса. Над этим судном парят расплывчатые корабли-медузы церерианцев. Магистраль-зоку предпринимают все меры, чтобы минимизировать последствия, посылают собственные ку-корабли и перемещают световые вертушки, чтобы направить поток в обход расширяющейся сферы боевых действий.

Разрыв масс-потока в коридоре на Сатурн. Корабль-струя «Бабл Бобл» покупает место в масс-потоке.

Световая вертушка на орбите Марса недоступна.

Запрос доступа сатурнианского килоклик-луча к инвариантной поверхности Пуанкаре.

Предложение о покупке контракта на прохождение по сатурнианскому килоклик-лучу.

Я перестаю дышать. Вот в чем прелесть работы с зоку – камни заставляют их действовать по воле большинства. И вот я уже с удовлетворением наблюдаю, как Магистраль-зоку переводят «Боба Говарда» на менее скоростной луч. Выигрыш невелик – возможно, еще одна неделя, – но мне этого достаточно, чтобы добраться до Сатурна почти одновременно с зоку Радужной Таблицы. Будем надеяться, что Большой Игре не удастся за это время окончательно сломить Миели.

И теперь у меня достаточная степень сцепленности, чтобы выторговать инструменты, необходимые для работы на Япете.

В вир «Шкафа» я возвращаюсь с улыбкой.

В книжном магазине идет снег. Большие белые снежинки плавно слетают из тени, скрывающей потолок. Книжные стеллажи стали похожи на заснеженные деревья, вместо столика появился высокий столб с чугунным газовым фонарем и пятном дрожащего желтоватого света под ним. Дыхание мгновенно превращается в пар. Холодно. Матчека нигде не видно.

Откуда-то издалека доносится звон маленьких колокольчиков. Цепочка мелких следов ведет в сумрак за стеллажами. На снегу ярко выделяется красная с серебром обертка от конфеты. *Рахат-лукум.*

– Матчек! – кричу я, но голос теряется в снегу.

Никакого ответа. *Как, черт побери, ему удалось настолько изменить вир?*

Я прячу ладони под мышками, чтобы согреться, и неуверенно верчу в памяти код Основателя, надеясь устранить изменения, внесенные будущим богом-императором Солнечной системы.

В затылок ударяет снежок.

Пока я удивленно моргаю, за шиворот течет холодная слякоть. Где-то в темноте смеется Матчек. Я все еще потираю шею, когда приходит кват. Исидор?

Жан, ты себе представить не можешь, что я обнаружил!

Я старательно сосредоточиваюсь на фрагменте экзопамяти: быстро мелькающие вспышки в марсианском небе, яркая звезда между чьими-то пальцами.

Это касается не только Земли, это Вспышка и Коллапс, ты должен увидеть...

Голос сыщика теряется в мелькании изображений. Фобос падает с неба. Столб света на горизонте. Землетрясение, вся планета гудит, словно колокол, Ублиетт теряет равновесие.
А потом тишина.

2

Миели и гора

Ты должна подняться на гору и отыскать ведьму.

Крутые склоны и чашевидная вершина скрываются за кружевными облаками. Гора стоит одиноко в своем совершенстве и не обращает внимания на узкую тропинку, проложенную людьми и извивающуюся перед тобой, словно нить, скрепляющая рану.

Ты обдумываешь путешествие, перебираешь все варианты. Один за другим, как бусинки на нитке, как драгоценные камни в ожерелье.

Ты поправляешь катану на поясе и начинаешь подъем. Ветер доносит струйку дыма. Где-то позади к небу поднимается белый столб.

Твоя деревня еще горит.

Гаки¹ нападают ранним вечером, когда ты поднимаешься на отрог горы.

Ты уже стоишь выше облаков, и последние лучи солнца окрашивают их верхние слои синим и пурпурным. С заснеженного склона горы налетает холодный ветер, несущий крошечные снежинки. Дыхание Юки-онна², белой ведьмы. Она знает о твоём приближении.

Наверху склон горы изрыт углублениями. Гаки медленно встают из них, словно бледные языки из черных ртов.

Это истощенные и морщинистые существа с раздувшимися животами, полными черной крови. Они принохиваются, потом начинают спускаться, сначала неуверенно, но вскоре пускаются вприпрыжку.

Катана по собственной воле покидает ножны и сверкает серебром.

Первый гаки шипит и протягивает к тебе скрюченные руки. Доносится тошнотворный запах: экскрементов, мокрой земли и гнили. Твоя катана описывает в воздухе молниеносную дугу. Из обрубка руки гаки плещет пепельно-серая кровь. Он пятится, злобно щелкая зубами и сверкая желтыми глазами.

А потом ты видишь двоих его сородичей, поднимающихся по склону справа. Они торопливо бегут назад вниз и готовы напасть сбоку.

Недалеко внизу есть скальный выступ с огромным камнем, который мог бы защитить от нападения сзади. Но добраться туда можно только по крутому заснеженному склону.

Решение заставляет принять гаки. Он бросается прямо на тебя, словно желая напороться на лезвие катаны. Ты с легкостью уклоняешься и подрубаешь ему ноги.

Гаки катится вниз по склону, и ты следуешь за ним безумными прыжками по перекатывающимся под ногами камням. И только молишься, чтобы не подвернуть лодыжку.

Ты едва не падаешь с обрыва, но вовремя останавливаешься и, тяжело дыша, разворачиваешься лицом к врагам. Спину защищает камень, но спереди сужается полукруг гаки, шипящих, щелкающих зубами и брызжащих слюной. Ты ждешь. Поднимается ветер. Неплохое место, чтобы умереть. Ты жалеешь лишь о том, что Юки-онна избежит твоей мести и удержит при себе душу твоей возлюбленной. Ты легко взмахиваешь катаной, словно каллиграфической кисточкой, и готовишься написать хокку смерти.

В шею стоящего в центре гаки вонзается оперенная стрела. Следом за ней сверху по дуге летят еще стрелы, поражая его соседей. Ты быстрыми танцующими шагами бросаешься вперед, рубишь направо и налево. Головы гаки скатываются вниз по склону горы.

¹ Гаки (яп.) – вечно голодные демоны Гакидо, одного из буддийских миров.

² Юки-онна – снежная женщина (яп.), фольклорный персонаж.

Из-за упавших гаки появляется ронин³. Он – или, судя по изящной фигуре, она – держит в руке нагинату⁴, а лицо закрыто маской усаги⁵, перечеркнутое крестом белое лицо демона-кролика. Она чертит клинком полукруг, расчищая вокруг себя пространство, затем делает выпад и пронзает грудь гаки. Она останавливается, чтобы взглянуть на тебя. Из-под маски сверкают ее глаза.

Твоя стремительная катана и длинная нагината дополняют друг друга, и битва быстро заканчивается.

Ты как будто вернулась в додзё⁶, и даже на неровном склоне самые сложные приемы получаются легко, и гаки падают вокруг, словно снопы. В конце концов они разбегаются, оставив обезглавленные тела товарищей и скользкий от крови склон.

И тогда ты первой отвешиваешь поклон.

– Благородный ронин, – говоришь ты. – Я обязана тебе своей жизнью.

Она тоже кланяется и снимает маску. У нее смуглое лицо и слипшиеся от пота длинные черные волосы.

– Это честь для меня, – отвечает она. У нее мягкий негромкий голос, словно шелест шелка, стирающего кровь с клинка. – Без тебя я и сама пала бы жертвой гаки.

Ты снова кланяешься.

– Что же ты здесь ищешь, усаги-сама?

– Ведьму Юки-онна, причинившую мне зло, – отзывается она.

Ветер усиливается.

– Недоброе имя. Я тоже ее ищу.

– Может, мы объединим наши усилия и вместе осуществим свою месть?

Ты в нерешительности молчишь.

– Я должна сама пройти свой путь, – говоришь ты после паузы. – И преодолеть опасности горы.

– Я понимаю. Но мы обе прошли немало. Давай будем охранять сон друг друга этой ночью, а утром каждая пойдет своей дорогой.

Ты киваешь. Вы возвращаетесь на тропу и продолжаете восхождение, и усаги-ронин идет впереди. Ты стараешься не обращать внимания на звучащий в голове шепот, от которого остается привкус огня и серы, и щека горит, словно к ней только что прикоснулся раскаленный металл.

Миели, ты сглутила, произносит голос. *Миели, проснись*.

В рощице жалких низких сосен вы останавливаетесь на ночлег. Ты долго сидишь молча за скудным ужином из рисовых хлебцев.

– Не окажешь ли мне честь, позволив нести дозор первой? – спрашивает усаги-ронин, как только ты заканчиваешь есть.

Принять ее предложение означает признать собственную слабость, и ты качаешь головой. А может, она создание ведьмы и послана, чтобы сбить тебя с пути? Говорят, что на склонах этой горы все в ее власти. Но и ты сама в ее глазах можешь быть точно такой же. Возможно, она оказывает тебе честь своим предложением. Вы долго смотрите друг на друга, но затем она отводит взгляд и готовит постель. Ты киваешь, кладешь катану на колени и смотришь на огонь, а она ложится спать.

³ *Ронин* – самурай. Вассал, потерявший господина.

⁴ *Нагината* – длинный меч (яп.), холодное оружие с длинной рукоятью и изогнутым клинком.

⁵ *Усаги* – кролик или заяц (яп.).

⁶ *Додзё* – место для занятий боевыми искусствами.

Вокруг тебя шелестят ночные голоса горы. Крики птиц, шорох ветра и далекий вой других, более опасных существ сливаются в один голос, и он обращается к тебе.

Не доверяй ей, Миели. Она одна из них.

Ты отмахиваешься от него. Это наверняка голос баку, пожирателя снов, слуги Юки-онна.

Но у тебя в груди пустота, и тело спящего ронина каким-то образом заполняет ее. Пламя пляшет, словно стремительный и яркий веер гейши. Мелькающие тени рисуют перед тобой крылья бабочки. А может, это сердце.

Спустя некоторое время ты вдруг обнаруживаешь, что усаги-ронин сидит на своем коврике и смотрит на тебя.

– Ты выглядишь усталой, – говорит она. – Теперь твоя очередь отдыхать. Я разбужу тебя при первых признаках рассвета.

Ты ложишься и засыпаешь, глядя на нее.

Во сне к тебе приходит Юки-онна. Она выглядит совсем не так, как рассказывают легенды, но в них же говорится, что она способна принимать множество обликов. К тебе она является женщиной-гайдзин⁷ в странной белой одежде, с золотисто-каштановыми волосами и с бриллиантовым ожерельем на шее.

– Миели, у меня мало времени, – говорит она. – Они пытаются меня отыскать. Не доверяй кролику. Это Царство зоку, игра. Если бы это был мир, я могла бы тебе помочь, но здесь я бессильна. Они пытаются тебя разыграть. Они создают условия, чтобы манипулировать тобой и добиться доверия. Мой брат Основатель у них этому научился. Не важно, что они тебе наговорят, это Большая Игра зоку. Во время Протокольной войны ты воевала против них за меня. Они этого не забыли. Ты должна выбраться из их Царства, как только сможешь, пока они меня не обнаружили.

Ее лицо становится суровым.

– Ты предала меня, но я тебя никогда не предавала. Я могла бы самоустраниться и оставить тебя им. Помни это. Помни.

Потом она растворяется, и продолжается сон. В пустоте летит гигантская бабочка. Проходит пронырливый человек с усмешкой Царя обезьян. Лихорадочные иллюзии, навешанные ведьмой.

Ты просыпаешься под взглядом усаги-ронин. Она предлагает тебе кружку с водой; костер уже погас, небо посветлело. Ты вздрагиваешь от холода, набираешь в рот тепловатой жидкости и смотришь на спутницу. Конечно, это ведьма горы обладает множеством лиц и обманов, а не женщина-ронин, которая так благородно сражалась с тобой плечом к плечу?

Сон оставил странный горьковатый привкус во рту. Как будто ты съела персик.

– Я приняла решение, – говоришь ты. – Мы вместе будем взбираться на гору.

Склон горы продувается всеми ветрами. Они приносят дождевые капли, жалящие, словно осколки стекла. Усаги-ронин разматывает с пояса шелковый шнур, и ты штурмуешь отвесную скалу в связке с ней. В одном месте камень осыпается под твоей ногой, и ты повисаешь над бездной на тонкой веревке. Усаги вытягивает тебя. Шелк режет ее ладони, но она не жалуется.

После восхождения в словах уже нет необходимости. Ваши судьбы теперь связаны между собой шелком и кровью.

По мере подъема ощущение чьего-то враждебного присутствия становится все сильнее; возможно, его поддерживает злобный ветер и неизменно угнетающий ландшафт. Громада горы вызывает страх и страстное желание взлететь. В голове не утихает шепот о том, что все твои

⁷ Гайдзин – иностранец (яп.).

действия обусловлены не волей, а Книгой Перемен, поворотом игральных кубиков, что вы с ронин ничего не способны достигнуть, что вы должны быть сломлены и повержены. Ты пытаешься игнорировать этот шепот, но заглушить его все труднее.

К полудню небо становится серым. Начинается сильная снежная буря, и вам приходится искать укрытие в руинах древнего синтоистского храма.

Налетает стая тэнгу. Птицелюди с черными крыльями, грубыми лицами, с носами-клювами и загнутыми железными мечами. У них пустотелые кости и легкие тела, и твои удары раскидывают их, словно тряпичных кукол. Но их много, и вам приходится отступать в глубину храма.

Пока усаги-ронин сдерживает их натиск, ты находишь свиток у ног статуи Будды, читаешь вслух священный текст, и его сила прогоняет тэнгу. Ронин ранена, коготь тэнгу прошелся по ее ребрам. Ты старательно перевязываешь ее, но теперь при ходьбе она опирается на свою нагинату.

Перед закатом вы взбираетесь на край кратера и видите дворец Юки-онна.

Люди говорят, что он меняет свои очертания и не похож ни на одну крепость, возведенную человеческими руками. Он впирается в дно кратера каменными когтями. Стены белые как кость. Три стены, одна выше другой, покоятся на сером каменном основании. На стенах растут изломанные голые деревья, а на тебя смотрят темные щели бойниц. К стенам прилепились низкие сторожевые будки. Все это напоминает гнездо гигантской хищной птицы.

Железные входные ворота распахнуты, ждут тебя. Ты идешь по длинному коридору через первый двор, чувствуя себя совершенно беззащитной. Потом поднимаешься по узкой крутой лестнице, проходишь через маленький внутренний дворик и пустые башни. За тобой наблюдают лица, и тебе кажется, что в них ты узнаешь мертвых врагов.

Внутри третьего кольца стены стоит огромный дворец. Его охраняют темные самураи с заржавевшими мечами, но они пропускают тебя внутрь.

Тронный зал освещен бледно-голубым пламенем факелов. И вот наконец Юки-онна, белая, красивая и невероятно опасная. У ее ног притулилась знакомая фигурка в шелковом платье. Ее лицо закрыто распущенными волосами, рядом на полу кучка зерен. Она пересчитывает их. При виде нее у тебя замирает сердце.

– Тебе не следовало сюда приходить, – холодно произносит Юки-онна.

Ты снова ощущаешь во рту привкус горечи.

– Я уступаю тебе эту честь, сестра, – говорит ронин. – Своей отвагой ты заслужила право забрать ее жизнь.

У тебя во рту что-то перекачивается: это косточка от персика, ее неровные края царапают язык.

Ты плавным движением обнажаешь катану и вонзаешь клинок в живот усаги-ронин. Свет в ее глазах меркнет, а в твоем сердце вспыхивает боль сожаления.

– Я пришла не для того, чтобы забрать ее жизнь, – говоришь ты, – я хочу предложить ей свой меч. Я хотела бы, чтобы тебя забрала гора или я могла бы умереть за тебя, но теперь слишком поздно.

– Отличная работа, дитя мое, – отвечает ведьма. – А теперь подойди и получи свою награду.

По ее знаку фигурка медленно поднимается с пола. Ты бросаешься вперед и обнимаешь ее. Она шуршит в твоих руках. В ней нет ни плоти, ни костей.

Это кукла, сделанная из ткани.

Смех у Юки-онны резкий, и холодный, и голубой, словно солнечный свет на снегу. Ты выпускаешь из рук куклу своей возлюбленной и падаешь на колени.

Катана с жадностью и без сопротивления входит в твое тело. К твоему удивлению, ее лезвие вовсе не холодное, а горячее. Раскаленный металл замирает чуть ниже сердца. Ты сжимаешь рукоять обеими руками и поворачиваешь клинок вверх.

Ведьма исчезает, и вместе с ней исчезает весь мир. А потом ты снова становишься Миели, дочерью Карху. Миели стоит на балконе, внизу тянется в туманную даль голубая лента канала. Лицо овекает теплый ласковый ветерок. А наверху простирается бескрайнее небо Сатурна, рассеченное надвое лезвием кольца.

3

Сыщик и светлячки

Король Марса может видеть все, но бывают моменты, когда он не хочет, чтобы видели его. Он идет по улицам Шагающего города Ублиетта невидимкой, под покровом гевулота. И, как обычно, Король опаздывает: на этот раз он не сразу смог ускользнуть от своих наставников-телохранителей. Небо над Марсом бледное, и яркое пятно за острыми зубьями кратера Эллада еще только предвещает появление Фобоса. И воздух холодный. В тени высоких зданий вдоль широких бульваров Края зажигаются жаровни, на тротуарах появляются желающие поужинать и выпить. Город мягко покачивается на ходу, и отдаленный гул его шагов успокаивает, словно размеренное сердцебиение. На поверхности все идет своим чередом.

Но Король – Исидор Ботреле – не верит в это. Он ощущает резкий и горький привкус страха, видит особую осторожность в походке людей, уже не доверяющих анонимности своего гевулота. Мимо рука об руку проходит улыбающаяся пара. Высокая женщина с красновато-смуглой кожей привлекает взгляд Исидора.

Он нечаянно задевает ее воспоминания и видит, как она, портниха Джеки, плакала навзрыд вместе с толпой, собравшейся на Устойчивом проспекте, наблюдая за гибелью Земли, мира, где она родилась.

Исидор встряхивает головой. Он способен слышать и помнить любой разговор, любую мысль в Ублиетте. Этот обоюдоострый дар достался ему от его отца-криптарха, искаженной копии Жана ле Фламбера, теперь заключенного в игле Тюрьмы и обреченного играть в бесконечную игру. Исидор может размышлять и дышать, лишь спрятавшись, но и тогда Ублиетт постоянно присутствует в его мыслях. Он понимает, как испуганы люди. В небесах появились гиганты, и мягкий свет уже не так успокаивает, как прежде.

Цель Исидора находится на южном краю города. Это маленький домик в обнесенном забором саду. Его круглые окна и янтарно-желтые бетонные стены выглядят довольно необычно, но их почти полностью скрывают сильно разросшиеся кусты белых мечевидных роз «Торис»⁸.

У самых ворот его настигает фрагмент разделенных воспоминаний, словно навеянных ароматом роз, вызвавшим в памяти строгий взгляд матери, Раймонды. Исидор вспоминает, что должен присутствовать на встрече с ней и другими наставниками – группой особых городских стражей порядка – и старейшинами зоку, чтобы обсудить проблему беженцев. Он вспоминает тщетные усилия орбитальных Спокойных, смятых потоком иммигрантов из Внутренней Системы. И Лоялистов – членов новой политической партии, которые настаивают на том, что Царство реально, а все, кто утверждает обратное, созданы зоку, и Исидор – только инструмент в их руках. Он вспоминает и о том, что мать намерена серьезно поговорить с ним и что он еще не настолько взрослый, чтобы не подвергаться порке.

Исидор вздыхает и сбрасывает воспоминание. В последние несколько месяцев заседания и обсуждения проходят постоянно. Он в них разочаровался: никаких решений не принимается, и каждый участник настаивает на своем. Ничего похожего на холодную красоту преступлений, головоломок или архитектуры. Теперь и это для него утрачено: он способен обнаружить самого хитроумного преступника, стоит только обратиться к воспоминаниям.

А вот в кват-послании Жана ле Фламбера, пришедшем три часа назад, содержится настоящая загадка.

⁸ Дея Торис – персонаж «Марсианского цикла» Э. Р. Берроуза.

Исидор посылает короткий вежливый фрагмент воспоминаний обитателю домика, подходит к двери и ждет. Его рука сжимает в кармане Часы вора.

Дверь открывает моложавый темнокожий мужчина. С первого взгляда его можно принять за собирателя Времени, который накапливает нематериальную валюту Ублиетта для продолжения жизни в теле Достойного, вместо того чтобы тратить ее на самоусовершенствование и предметы роскоши. Но у него гладкая блестящая кожа, что указывает на недавнее возвращение из состояния Спокойствия после прохождения через лабораторию Воскресителей.

– А, – произносит мужчина, Марсель Изольд, – Исидор Ботреле. Знаменитый детектив. Какая честь.

В его голосе звучит нотка иронии, а взгляд остается откровенно скучающим.

Исидор откашливается. Даже до недавних событий в нелегальных аналоговых изданиях Ублиетта его изображение появлялось довольно часто, а теперь и вовсе нельзя остаться неузнанным, если не пользоваться недопустимо плотным гевулотом.

– Я понимаю, время уже позднее, но нельзя ли...

Человек закрывает дверь. Исидор вздыхает, снова стучит и посылает очередной фрагмент воспоминаний. Дверь медленно открывается.

– Извините, что приходится вас беспокоить, но я надеюсь на вашу помощь, хотелось бы получить некоторые ответы.

– Здесь нет никаких ответов. Только тишина.

– По своему опыту могу сказать, что именно в тишине чаще всего можно их отыскать.

В кривых глазах Марселя вспыхивает искра любопытства.

– Отлично, – говорит он. – В таком случае вам лучше войти.

Похоже, что раньше дом принадлежал художнику, но теперь помещение больше напоминает гробницу. Здесь стоят скульптуры, покрытые пыльной парусиной, рабочий стол, заваленный десятилетиями копившимся хламом, старыми моделями из клейтроники, эскизами и причудливыми объектами. Единственными предметами искусства, представленными должным образом, остались картины, к которым прикреплены небольшие фрагменты ускользающих воспоминаний. Они посылают Исидору вспышку информации о любви двух молодых людей.

– Все равно уже пора пропустить стаканчик, – произносит Марсель. – Могу я вам что-нибудь предложить? Похоже, вам не помешает выпить. Ничего удивительного, ведь вы так заняты улучшением этого мира.

– Вы так говорите, словно не одобряете этого.

– О, я думаю, ваши усилия достойны высших похвал, только они сейчас немного значат. Скоро всех нас проглотят, и надо наслаждаться оставшимся временем. Вот как сейчас.

Марсель открывает бар из красного дерева и достает бутылку коньяка и пару бокалов. Он до краев наполняет их темно-янтарной жидкостью и протягивает один бокал Исидору. В глубине комнаты слышится тихое журчанье арс нова⁹.

– Это очень мрачная точка зрения, – отвечает Исидор. – Но я выпью за сохранение мира.

Марсель молча поднимает свой бокал и улыбается. Исидор вдыхает пары коньяка, начинает кашлять и делает маленький глоток. До сих пор он не пробовал избавиться от постоянного давления экзопамяти при помощи наркотиков. Кроме того, алкоголь делает его разговорчивым, а в данных обстоятельствах это может ему навредить.

– Это реалистическая точка зрения, – отзывается Марсель. – С тех пор как произошел Коллапс, мы играли незавидную роль. И я почти не удивился твоему открытию, узнав, что наше драгоценное Царство – это всего лишь задуманный зоку обман. Да и теперь мы недалеко

⁹ *Арс нова* – направление в музыке, возникшее в Италии и Франции в XIV веке.

продвинулись. Мне кажется, мы всегда были игрушками, экспериментальными моделями в некоторой точке Омега¹⁰, где выигрывает Соборность.

– Но Соборность не выиграла. Пока еще не выиграла. Вот потому я сюда и пришел.

– А. Идеализм. Геройство. Отлично. Чем же я могу помочь вам спасти мир?

– Сегодня утром один... один человек попросил моей помощи. Похоже, что информация о некоем важном событии, произошедшем за пределами Ублиетта, утраченная во всех других архивах, сохранилась в экзопамяти. Я пытаюсь выяснить, есть ли там еще уникальные сведения, которых больше нигде не осталось.

– Понимаю.

Марсель задумчиво проводит по губам указательным пальцем.

– К вам нередко заходил Поль Сернин, не так ли? Он отдал вам Часы.

Слова вылетают быстрее, чем он успевает задуматься. Когда вор попросил о помощи, Исидор вставил еще один фрагмент в старую нерешенную головоломку. *Что обнаружил на Марсе Поль Сернин?* Этого не смог узнать даже сам вор, и Исидору очень хотелось бы увидеть лицо ле Фламбера, когда он даст ему ответ на этот вопрос.

Марсель со стуком ставит бокал на стол. Коньяк при марсианской гравитации лениво плещется по стенкам.

– Да. Да, он так и сделал. А потом забрал мое Время, забрал просто потому, что это доставляло ему удовольствие, потому что это было частью его плана. И он притворялся моим другом, потому что ему было удобно.

Исидор вздыхает. Ле Фламбер – в облике человека по имени Поль Сернин – двадцать лет назад спрятал что-то в воспоминаниях своих друзей, а недавно вернулся, чтобы забрать это. В результате девять человек были преждевременно отправлены в загробную жизнь Ублиетта, и Раймонде с Исидором стоило больших трудов убедить Воскресителей позволить им вернуться.

– Советую быть осторожным, когда разговор заходит о Поле Сернине, – произносит Марсель, прищурившись. – Раньше я этого не замечал, но вы похожи на него. Только не говорите, что это очередной эпизод его игры.

– Нет, я могу дать слово, что это не так, – отвечает Исидор. – Совсем наоборот. Я пытаюсь понять, почему он это сделал. Мне важно знать, почему он к вам приходил. Может, хотел получить доступ к воспоминаниям вашего друга?

– Совенка? А он-то какое к этому имеет отношение?

– Вот это я и пытаюсь выяснить. Прошу вас, это очень важно. Не только для меня, но и для всего Марса.

– Понимаю. – Марсель проводит рукой по выбритой голове. – Думаю, это возможно. Я не давал ему разрешения, но он действительно оставил мне эти проклятые Часы. Наставник говорил, что он каким-то образом умудрился спрятать что-то и в моих воспоминаниях. А с Совенком мы делились абсолютно всем, у него не было от меня секретов. Так что Поль Сернин мог добраться до воспоминаний Совенка через мой гевулот. Но что ему это давало, мне непонятно.

Исидор глубоко вздыхает.

– С вашего разрешения, я хотел бы на них взглянуть. Я имею в виду воспоминания. В особенности касающиеся той ночи, когда произошла Вспышка. Я хочу понять, зачем вернулся сюда человек, которого вы называете Полем Сернином, что он здесь искал. Существует какая-то связь, я чувствую ее, и она затрагивает гражданскую войну Соборности, Вспышку и то, что произошло с Землей. Если мы хотим, чтобы Марс выжил, мы должны в этом разобраться.

¹⁰ Точка Омега – условное состояние наиболее организованной сложности и наивысшего сознания, к которому стремится Вселенная в процессе эволюции. Термин введен Тейяром де Шарденом.

– Гм. – Марсель невесело усмехается. – И вы считаете, дело того стоит? Спасать мир, даже если он построен на обмане?

– Да, стоит, – отвечает Исидор. – Не все иллюзии несут зло. Иногда они просто необходимы. Меня научил этому мой отец – мой приемный отец.

Марсель долго смотрит на Исидора, потом поднимает бокал.

– Хорошо. Проходите и познакомьтесь с моим возлюбленным. Его зовут Совенок.

Совенок, окутанный лечебной пеной, сидит у окна и смотрит наружу. В комнате стоят свежие цветы, а ароматизированные свечи испускают слабый запах лаванды. Это определенно самое чистое помещение в доме. Из окна открывается вид на марсианскую пустыню. Город проходит через кратер Эллада и оставляет за собой длинные щупальца оранжевой пыли.

Из горла Совенка вырываются гулкие металлические звуки, словно кто-то щелкает ногтем по жестяной банке. Тело Достойного сохранило свою молодость, но у него лицо немощного старика, и челюсть немного отвисла. В глазах пустота. И гевулот вокруг него разорванный, как клочья тумана.

Марсель целует его в щеку.

– Как я понимаю, вам известно его состояние?

– Я получил некоторые сведения. Изменения в его мозгу, произошедшие в момент Вспышки, непонятны Воскресителям: в микроканальцах остался квантовый конденсат, навещающий на мысли о древних теориях сознания, но это искусственно вызванное явление. Его нельзя перевести в состояние Спокойствия, поскольку конденсат может разрушиться, и Воскресители не в силах предсказать, к чему это приведет.

– Он такой уже двадцать лет. – Марсель вздыхает. – Я живу надеждой. Квантовое состояние не может быть вечным. Возможно, он еще выкарабкается, а я подожду. И я живу скромно, чтобы растянуть свои дни.

– Вы ведь знаете, мы пытаемся изменить ход вещей, – говорит Исидор. – Возможно, ему сумеют помочь зоку. Я мог бы поговорить с...

Марсель печально улыбается.

– Я больше не могу доверять богам, – отвечает он. – Прошу вас, сделайте то, зачем пришли. Ему скоро ложиться спать.

Исидор кивает, крепко сжимает Часы вора и извлекает из своего сознания Ключ, который открывает все двери памяти.

Экзопамять Совенка проходит перед ним, но Исидор оставляет без внимания большую часть воспоминаний и сосредоточивается лишь на полете на планере над Лабиринтом Ночи. На времени Вспышки.

И вот он вспоминает, как пролетает над каньоном Ио и смеется над страхами Марселя.

Совенок считает, что Марсель порой ведет себя совсем как *девчонка*. Чтобы его успокоить, он поднимает планер выше, и они любуются звездами. Прекрасная ночь. Иногда он не может понять Марселя, его одержимости работой и его стремления остаться в одиночестве. Но в ночном небе кажется, что им суждено всегда быть вместе.

И конечно же, именно этот момент Марсель выбирает для своей новости.

– Я подумывал о том, чтобы уехать, – говорит Марсель.

– Хочешь уехать? – переспрашивает Совенок. Где-то глубоко-глубоко в его груди Исидор чувствует укол разочарования. – И куда бы ты направился?

Марсель разводит руками.

– Не знаю. Куда-нибудь. – Он прижимает ладонь к гладкой, прозрачной стенке планера. – Тебе не кажется, что глупо придерживаться здешнего цикла? Здесь все какое-то нереальное.

Совенок начинает злиться. *Что же я для него? Часть глупого цикла? Временное развлечение перед более важными и большими делами?* Он позволяет себе выплеснуть раздражение в словах.

– Разве не в этом заключается твоя работа? Ощущать нереальное?

– Нет, – отвечает Марсель. – Я делаю нереальные вещи реальными и реальные вещи более реальными. И там это было бы проще. У зоку имеются устройства, обращающие идеи в предметы. Соборность утверждает, что зоку намерены сохранять все когда-либо возникающие мысли. А здесь...

Вот оно, думает Исидор, переходя к собственной сущности. За время своего царствования он научился сохранять струи личных мыслей в потоках чужих воспоминаний. Он просматривает застывшие мысли Совенка одну за другой. *Не из-за этого ли Марсель так привязан к Совенку? Не из-за того ли, что перед самой катастрофой сказал о своем намерении уехать?*

Время в воспоминаниях замедляет свой ход. Пальцы Марселя прижаты к стеклу. Между ними мерцает яркий ореол Юпитера. И вот следующее воспоминание, внезапный разрыв, словно клинком рассекающий нить мыслей Совенка.

Марсель порой ведет себя совсем как девчонка. Юпитер сияет между его пальцами. Внезапный разрыв...

Исидор вспоминает воспоминания, он погружается в память о памяти, словно в затягивающий бесконечный зеркальный тоннель. Пальцы Марселя движутся все медленнее и медленнее. Время вязкое и холодное, как будто он плывет против ледяного течения.

Ну конечно. Вор должен был оставить ловушку для любого, кто попытался бы его выследить. Провал в памяти, уводящий в бесконечность.

Но Исидор не обычный преследователь. Он воплощает все. Он Король Марса, и в экзопаме для него нет секретов.

Он сопротивляется течению потока, снова прибегает к помощи Ключа и неохотно решается воспользоваться его *другой* функцией: доступом к потайным входам памяти, позволяющим редактировать и искажать воспоминания. Ключ раскаленным лучом прикасается к ловушке и расплавляет ее. Время устремляется вперед, словно свора спущенных собак. Юпитер взрывается под рукой Марселя и превращает его пальцы в красные пылающие колонны. Перед глазами Совенка дождем осыпаются звезды. А потом к Исидору обращаются квантовые боги.

Первый голос явно принадлежит ребенку. И Исидору кажется, будто кто-то осторожно держит его за руку двумя пальчиками.

Ты живешь на острове под названием каузальность, произносит голос. Это маленькое местечко, где результат следует за причиной, словно поезд по рельсам. Ты идешь вперед по отпечаткам ног бога на берегу. Зачем это делать, если можно сразу броситься в волны и разбрызгать воду?

Смех. Он ощущает радость от разлетающихся в стороны сверкающих на солнце брызг, пальцы ног зарываются в песчаное дно, и он сознает, что может подпрыгнуть и плюхнуться в воду только ради того, чтобы поднять еще больше брызг.

Каузальность. Это линза, сквозь которую мы смотрим на вещи. Расстановка событий. В квантовом пространстве-времени она неоднозначна. Сюжет, события, следующие одно за другим. Зов приключений, путешествий и загробной жизни. Перерождение. Примирение.

Нет, не так. Это только один путь возможного развития.

Слушай. Мы все объясним.

Другой голос, голос взрослого мужчины, похожий на голос матери Пиксил по сцепленности, на голос Старейшей, с тем же оттенком древней усталости.

Эту идею уже разрабатывали в двадцатом столетии, думали, что пространство-время поддается исчислению. Испытывали ее в последние дни Большого адронного коллайдера, когда научились получать крошечные черные дыры. Расчеты основываются на горизонте событий черных дыр, а потом они сталкиваются друг с другом и исследуется информационный парадокс, чтобы определить, что сильнее: квантовая гравитация или машина Тьюринга и ее квантовые варианты. Достойное задание для мощного БАКа, еще не остывшего после обнаружения первых бозонов Хиггса.

Проносится череда картин, изображения грифельных досок и огромных гудящих в тоннеле машин, расстроенные лица перед экранами. Это разочарование, когда две части не подходят друг к другу, когда не устанавливается взаимосвязь, Исидору хорошо знакомо.

В ярких вспышках столкновений никто не подозревал ничего плохого. Поначалу исходящий поток казался сплошным шумом. Потребовалось множество экспериментов, но результат был очевиден. Ответы содержатся здесь, но они закодированы. Пространство-время – не просто компьютер, это надежный квантовый компьютер. И для работы с ним требуется ключ, способный открыть замки шкалы Планка.

Возникло убеждение, что есть другой закон природы, другой предел времени, другой Второй закон термодинамики. Идея была забыта на долгие времена. До тех пор, пока не родились мы.

Кто мы такие и как возникли?

Это звучит третий голос, мягкий и согревающий, как коньяк Марселя. Он приносит Исидору ощущение безопасности.

Мы Каминари: светлячки, недолговечные, летящие на огонь.

Когда наступил Коллапс и больше никто не мог жить на Земле, мы позаботились о себе. Мы погрузили свои материальные тела в грузовые отсеки разрабатывающих астероиды кораблей, наспех оборудовали их системами жизнеобеспечения, свой разум и ранние камни – грубые ионные ловушки и алмазы, удерживающие медленный свет, – прикрепили к ракетам и запустили их к Юпитеру и Сатурну. В то время, когда мир вокруг нас рушился, они уносились ввысь, словно светящиеся Кал-Элы¹¹.

И вот тогда началось настоящее приключение.

Мы росли, разделялись и множились. Мы создавали камни, чтобы хранить в них то, что нас определяло, – наши отношения друг с другом, то, что невозможно копировать, а можно только подарить или похитить. Мы строили Царства, в которых можно было играть. Мы окутывали интеллектуальной материей целые планеты. Мы вели войны с Соборностью. Мы создавали маленькие светила, чтобы согреть оортианцев.

А теперь мы состарились. Игра в Каминари утратила свою увлекательность. Но замки Планка остались и продолжают возбуждать наше любопытство. Нам кажется, мы знаем, что скрывается за ними.

Голоса сливаются в хор и звучат одновременно.

Время творения. Бескрайнее залитое солнцем море.

Мы выполнили большую часть работы. Мы нашли решение в самом неожиданном явлении: в Коллапсе, в нашем собственном зарождении. Начало скрыто внутри конца.

И нам нужна твоя помощь, чтобы воплотить его в реальности.

Если ты согласен покинуть свой островок, протяни нам руку. Прими нашу сцепленность. Объедини свою волю с нашей.

Так мы сможем стать тобой. Так мы все сможем выйти в море.

Перед Исидором появляются три освещенные фигуры. Они протягивают к нему руки, и в их ладонях сияют звезды. Он открывает им свои объятия и принимает предлагаемый ими

¹¹ Кал-Эл – имя, полученное Суперменом при рождении.

свет. Его пальцы переплетаются с пальцами незнакомцев, и вот он уже не один, а множество, он узелок в паутине света, охватывающей всю Систему, он часть чего-то непонятного, но может прикоснуться к этому через свет Юпитера, мерцающий в пальцах Марселя.

Миллиарды разумов принимают предложение Каминари, и ткань сцепленности ширится со скоростью света, простирается от Марса до Земли и Сатурна и еще дальше. Исидор не понимает, как это происходит, но на Юпитере яркость света преобразуется в ключ, и он входит в замок.

Нет. Остановись, кричит хор Каминари. Исидор и сам чувствует: что-то не так. Одна из нитей ткани внезапно натягивается, словно аркан. Ловушка. Предательство.

Ткань распадается и занимается огнем. Далеко-далеко Каминари пытаются его остановить. Но для Исидора-Совенка слишком поздно. Свет поглощает его, и Юпитер умирает.

Исидор открывает глаза и моргает от света, но это всего лишь Фобос сияет ему в лицо. Он достиг зенита в своем кратковременном странствии по небу, и золотистые лучи освещают пыльные складки кратера Эллада. Исидор снова в комнате Совенка. Тайна Вспышки пронесется в его мыслях, подобно отраженной лавине, отдельные фрагменты складываются в нечто большее, чего он не мог себе даже представить.

Он поспешно вынимает кват-передатчик и посылает вору интенсивную мысль.

Жан, ты себе представить не можешь, что я обнаружил!

Приложением к квату он вставляет фрагмент воспоминания о Каминари.

Это касается не только Земли, это Вспышка и Коллапс, ты должен это увидеть.

Связь обрывается. Что-то случилось. В комнате слишком тихо. В воздухе веет озоном. Марсель неподвижно стоит рядом, широко распахнув глаза, приоткрыв рот.

И Исидор утрачивает связь с экзопаме́тью.

Гнетущая тишина настолько его поражает, что Исидор не сразу замечает присутствие четвертого человека – или, скорее, иллюзии человека – это черная безликая тень, на которую не падает свет. Над левым плечом парит серебряное ку-ружье зоку, похожее на ракету. Узкий конец угрожающе мерцает и следует за каждым движением Исидора.

– Прошу прощения за причиненные неудобства, – произносит тень. Голос можно принять за голос мужчины, но в нем слышится металл и какие-то помехи. – Я правильно это произнес?

Исидор мысленно производит подсчеты. Он не может точно определить, сколько прошло времени – возможно, всего несколько минут, – но ночному телохранителю, Футуристу, потребуется ненамного больше, чтобы его обнаружить. Он снова обращается к экзопаме́ти, пытаясь отправить сообщение, но обнаруживает пустоту – точно такое же ощущение было во время посещения колонии зоку в Пыльном районе.

– Надо было оставить все как есть, – говорит тень. – Но сейчас еще не поздно все исправить. Отдай мне Ключ Криптарха, и я помогу тебе забыть.

– Почему?

– То, что ты обнаружил, представляет опасность. Для всех нас будет лучше, если я сотру это и из экзопаме́ти, и из твоей головы.

– Ты опоздал. Я только что отправил сообщение.

– Ага. Ладно. Мне доложили, что в этом направлении уже ведется работа. В любом случае это потребует отдельной оплаты. Но тебя это не касается. Я очень прошу, отдай ключ от экзопаме́ти. Я знаю, что тебе он все равно не доставляет радости.

– Ключ не принадлежит мне, и я не могу его отдать, – отвечает Исидор. *Надо выиграть время.* – О Ключе знают лишь немногие. Ты ведь из зоку Пиксил, не так ли?

– И да и нет. У нас есть агенты во всех сообществах зоку.

– Но почему ты это делаешь?

Тень беспокойно шевелит руками.

– Потому что мы должны защищать тебя. Мы сохраняем стабильность. Мы сохраняем неизменность положения вещей.

Исидор пристально всматривается в тень.

– Это ведь вы, кем бы вы ни были. Это вы вызвали Вспышку. Вы помешали Каминари. И уничтожили Юпитер. Вы разрушили разум этого несчастного человека. И с тех пор вы замечаете следы. Зачем вам понадобилось исказить информацию об атаке Чена на Землю? Кто вы?

– Это не важно. Послушай, Исидор, если ты не согласишься добровольно, придется принять более решительные меры. Если мы не сможем изменить экзопамять, нам придется... уничтожить ее. Ситуация в Системе слишком неустойчива, и нельзя рисковать, позволяя найденной тобой информации попасть в чужие руки. Прошу тебя, всего несколько изменений ради всеобщего блага. Ты даже ничего не почувствуешь.

– Нет. – Исидора вдруг охватывает искренняя ярость. – Криптарх при содействии зоку долго нас обманывал. Больше мы этого не допустим.

– Ты не понимаешь. – Металлический голос тени звенит отчаянием. Ку-ружье светится все ярче. – Ты же понимаешь, я не хочу этого делать, но у меня нет выбора, я должен подчиняться волеизъявлению зоку. Я достану Ключ из твоего разума, Исидор. И постараюсь сделать это безболезненно.

– Пиксил говорила, что у вас всегда есть выбор, что вы всегда можете уйти.

Тень вздыхает.

– Она еще слишком молода и недостаточно сцеплена. Она все поймет. Исидор, ты напрасно пытаешься меня отвлечь. Твои наставники не успеют вовремя. Это ведь мы оснастили их технологическими устройствами, помнишь? Я могу контролировать их восприятие. А потом и их память тоже будет отредактирована.

Исидор на мгновение прикрывает глаза. Еще один фрагмент головоломки встает на место.

– Ты один из старейшин. Ты Сейджвин.

Тень расплывается, и на ее месте возникает истинный облик зоку – вихревая мандата фоглетов и драгоценных камней с лицом Сейджвина в центре, еще прикрытым съехавшей набок остроухой маской.

– Вот еще одна вещь, которую тебе придется забыть, – говорит он.

Исидор вынимает из кармана Часы вора. Они кажутся тяжелыми и холодят руку.

– Подожди.

– Ты не сможешь спрятаться в Спокойствии, Исидор, – произносит Сейджвин. – Я блокировал доступ к экзопамяти. Просто закрой глаза. Все скоро закончится.

– Это не мои Часы, – говорит Исидор. – Но Джастин Часовщик модифицировал их для меня. Мы, жители Ублиетта, не можем похвастаться достижениями зоку или Соборности, но и у нас есть свои умельцы. Я давно знал, что рано или поздно кто-нибудь придет ко мне за Ключом Криптарха, и потому принял меры предосторожности. – Внутри у него все сжалось, рука дрожит, но он выдерживает проницательный взгляд зоку. – Сюда встроен триггер Маха-Цендера, соединенный с моим мозгом. И микрограмм антиматерии. Этого достаточно, чтобы уничтожить нас обоих. И, безусловно, уничтожить сам Ключ.

Сейджвин принимает облик, в котором был во время их первой встречи, – грузный мужчина в голубой блузе с потрепанным подолом. Он понуро опускает плечи, выглядит уставшим и источает запах застарелого пота.

– Я предполагал нечто в этом роде. Ты мне нравишься, Исидор. Я всех вас люблю. Я хотел дать вам шанс.

– Мы вас остановим, – говорит Исидор. – Что бы вы ни задумали, у вас ничего не выйдет. Сейджвин вздыхает, сцепляет руки за спиной и покачивается взад и вперед.

– И мы уже сделали это тридцать пять минут назад.

Старейшина зоку грустно улыбается.

– Я давно хотел сказать. – Он оборачивается и смотрит в небо. – В этом наверняка будут обвинять Соборность. И это тоже часть игры. Все подчинено цели.

Яркий белый свет снаружи резко обрисовывает силуэт Сейджвина. Тишина обрывается, Исидор снова ощущает поток экзопамяти. Через тысячи глаз он видит, как Фобос по неожиданной крутой дуге опускается за кратер Эллада. На горизонте поднимается белый столб. Все вздрагивает. Город спотыкается. Последнее, что видит Исидор, – это Марсель, сжимающий плечо Совенка. Его печальный взгляд словно говорит, что Марсель обо всем догадывался с самого начала.

Исидор обращается к экзопамяти. Его мать в образе Джентльмена парит над крышами Ублиетта. Пиксил идет по агоре Устойчивого проспекта вместе со своей подругой Синдрой. Приемный отец Исидора, Спокойный, трудясь у подножия города, обращает взор на недостроенную стену, над которой все ярче разгорается свет. Слова не нужны. На мгновение их разумы соединяются, как части головоломки. Ярость Пиксил с мечом в руках, напрасная попытка Раймонды выстроить щит из фоглетов вокруг города, спокойствие отца, помещающего последний риголитовый кирпич на вершину стены, и Исидор перестает чувствовать себя одиноким в этом водовороте страха.

Как только он стирает последний фрагмент гевулота между собой и своими близкими, их мужество и любовь наполняют его, и неожиданно он/они понимают, что нужно сделать.

Ключ Криптарха поворачивается во всех замках разума в Ублиетте. Границы памяти исчезают, как будто их никогда и не было. Все гевулоты спадают. Все секреты раскрываются. Все воспоминания объединяются. Столетия, тысячелетия жизни сливаются в один миг.

По мере того как сингулярность Фобоса поглощает планету и все больше раскаляется, коллективный разум Ублиетта раскрывает миллионы глаз и без страха смотрит вперед.

4

Вор и Ганклуб

Незадолго до того как Япет поворачивает на юг, мы со старейшиной Ганклуба Барбикеном¹² наблюдаем, как дети зоку играют в глобальную термоядерную войну.

Мы пьем темный чай в отделанном красным деревом купе салон-вагона в сверкающем медью и бронзой скайтрейне Ганклуба зоку. Поезд плавно скользит по золотистой дуге клубного орбитального кольца вокруг Япета, и его скорости хватает, чтобы обеспечить добрую половину *g* искусственной силы притяжения. За круглыми иллюминаторами открывается великолепный вид на поверхность сатурнианского спутника. Сейчас мы над областью Кассини, красновато-коричневым родимым пятном набелоснежной ледяной равнине. Это пятно делает спутник похожим на гигантский символ инь-ян. А внутри кратера Торжис, составляющего пятьсот километров в диаметре, виднеется миниатюрная Земля. Контуры континентов на зелено-голубом диске обведены серебристыми линиями.

– Они называют это Обществом реконструкции холодной войны, – раскатистым басом произносит Барбикен.

Широким жестом блестящего фрактального отростка руки-манипулятора он показывает на картину за окном. Манипулятор тихонько звякает о стекло.

Янтарный хоровод драгоценных камней зоку вокруг его цилиндра, напоминающий Солнечную систему в миниатюре, придает Барбикену сходство с меланхоличным святым. В отличие от большинства зоку его сообщества в основном теле старейшины еще остались биологические компоненты. У Барбикена голова пятидесятилетнего мужчины с внушительными рыжими бакенбардами, выдающимся носом и пронзительными голубыми глазами. Но все остальное создано искусственным путем: округлый чугунный торс, разветвляющаяся рука-манипулятор и более массивная конечность-оружие. Вместо ног у него латунные цилиндры – выхлопные каналы небольших ионных двигателей. От Барбикена исходит слабый запах машинного масла, полировочной пасты и лосьона после бритья.

– Для меня это слишком ново, дорогой Рауль, слишком ново! Но я аплодирую их энтузиазму. Они даже боеголовки сделали своими руками, на старинный манер. Синхротроны и плутоний! Ах!

Барбикен выражает свое удовольствие негромким рокотом.

Честно говоря, на этот раз им немного помогли. Я улыбаюсь, вспоминая, как в своем нынешнем облике Рауля д'Андреzi¹³, эмигранта и продавца антиквариата с Цереры, торговался с юнцами-зоку несколько дней назад. Дайте детям спички, и они начнут зажигать костры. Ничего не меняется.

Серебряное кольцо, проходящее вдоль крутого края кратера, есть не что иное, как Магический Круг зоку, означающий границу игровой площадки и внутренних законов реальности. На темном континенте Северной Америки булавочными головками светятся крупные города. На нем то и дело возникают слепящие вспышки водородных бомб.

– Восхитительно, – говорю я, когда Восточное побережье рассыпается искрами ядерных взрывов.

Ответная реакция не заставляет себя ждать. Белые параболические дуги баллистических ракет костлявыми пальцами протягиваются к Москве и Ленинграду.

¹² *Импи Барбикен* – персонаж романа Жюль Верна «С Земли на Луну».

¹³ *Рауль д'Андреzi* – одно из имен Арсена Люпена.

Внезапно в голове возникает вопрос: а что увидели в Ублиетте, когда начался огненный дождь?

Может, это дело рук Соборности, как утверждают появившиеся в Системе слухи. Или Жозефина пытается замести следы. А может, чены не желают активного присутствия зоку вблизи Внутренней Системы теперь, когда не стало Земли, служившей буфером. Или это василевы и сянь-ку не хотят ни с кем делиться разумами Ублиетта, за которыми они охотятся долгие годы.

Хотелось бы надеяться, что хоть одно из этих предположений верное. Тогда сохранилась бы вероятность, что граждане Ублиетта выживут, хотя бы в качестве гололов. Но в глубине души я знаю, что все гораздо хуже.

Я же говорил ему не вмешиваться. Я говорил.

Марс погиб, а вместе с ним почти все, кого я мог называть друзьями, любимыми или партнерами. Раймонда. Исаак. Джилбертина. Сюэсюэ. Глупый, гениальный Исидор. И то, что осталось от моей второй сущности, Жан ле Руа и его Тюрьма. Спокойные и фобои. Все погибло.

Они никогда не были твоими. Они принадлежали другому Жану, тому, кто их предал, тому, кто их бросил. Ты не должен по ним тосковать.

«Перхонен» была права, называя меня прекрасным лжецом. Но самые блестящие обманы я оставил для себя: они превосходно состряпаны, несокрушимы и сверкают, как камни зоку.

В глазах щиплет. Я непроизвольно потираю переносицу и замечаю пристальный взгляд Барбикена.

– Рауль? Не хочешь еще чаю?

Я улыбаюсь и мысленно даю себе подзатыльник. Нельзя расслабляться. Барбикен не просто стимпанковский киборг, а *играющий* в него сверхчеловек с квантовым разумом. Для зоку, конечно, это почти одно и то же. Для них все сводится к игре. Запах табака в салоне, столы и стулья из красного дерева, сделанные из револьверов канделябры с газовыми фонарями, лимонный привкус чая лапсанг сушонг – все это определяется Кругом поезда, все это игра, в которой мы, как цивилизованные джентльмены, беседуем в клубной гостиной девятнадцатого века.

– Нет, спасибо. Я просто подумал, что вы рано начинаете приучать их к ремеслу.

Барбикен вздыхает.

– Таково волеизъявление зоку, дорогой мой, ему невозможно противиться. Мы все созданы ради какой-то цели. Ну, конечно, за исключением нас, стариков. Молодежь так быстро подрастает, что я рядом с ними чувствую себя совсем древним! Завтра они начнут строить Царства и Круги и изобретать оружие, которого я и вообразить себе не могу. – Он хмурится. – Но, думаю, лучше уж так.

– Но ты не считаешь себя приверженцем культуры атомпанков?

– Ха! Конечно, нет! В неконтролируемых ядерных взрывах нет ничего прекрасного! С другой стороны, в твоем случае...

Ну, вот мы и дошли до дела. Я с трудом подавляю вздох облегчения. Барбикен любит поговорить, и за прошедший час я узнал об оружии намного больше, чем хотелось бы, – тем более после практических уроков, преподанных мне Соборностью в тюрьме «Дилемма». Но теперь мне ясно, что он не прочь купить то, что я продаю.

– Насколько я понимаю, предложение тебя заинтересовало?

– Рауль, ты же прекрасно знаешь, что я не могу пройти мимо подлинной пули Вана, выпущенной из пушки Верна зарядом в сто пятьдесят килотонн.

– Это я могу лично гарантировать.

– Грандиозно!

– Что ж, остается еще один небольшой вопрос относительно цены...

Я ставлю чашку и складываю руки на груди.

Он приподнимает брови.

– Ну, нам надо узнать, что думает по этому поводу Клуб. – Его глаза озорно поблескивают. – Ты позволишь мне отлучиться на минутку?

Я вежливо наклоняю голову. Вокруг нас на полу появляется серебристая граница Круга. Барбикен вскакивает со своего места и пересекает ее: его внешность незначительно меняется. Затем он поднимает разветвленный манипулятор. Рука превращается в золотое дерево, и его веточки легко касаются нескольких драгоценных камней венца, передавая предложение на обсуждение зоку.

Я почти уверен, что все это лишь показуха. Барбикен – старейшина, он достиг высочайшего уровня в своем сообществе действиями, в наибольшей степени отвечающими целям и желаниям зоку, – в данном случае конструируя наилучшее оружие и взрывающиеся устройства. Он без труда мог бы воспользоваться сцепленностью с остальными зоку, чтобы получить запрошенную мной незначительную плату: драгоценный камень зоку для сообщества в Супра, достаточно мощный, чтобы я смог создать собственный Круг в одном из самых фешенебельных районов сатурнианской столицы.

Вот только Барбикену неизвестно, что на самом деле ставки значительно выше.

Через несколько секунд он с улыбкой возвращается на свое место.

– Все отлично! Оболочка переправлена в Арсенал. А теперь выпьем, чтобы отметить эту сделку. Что-нибудь покрепче чая! Ты не возражаешь против...

В противоположном углу комнаты вспыхивают Врата Царства – светящийся голубой круг два метра диаметром. Его появление сопровождается хлопком сжатого воздуха и легким запахом озона. Сквозь портал проходит зоку в своем истинном обличье: мерцающее облако утилитарного тумана, а в центре – надменное лицо, окруженное сверкающими камнями. Вновь прибывший вступает в Круг, и сразу же активизируется ограничитель Шредера. Раздается шипение остывающих фоглетов, туман кристаллизуется сначала в статую, а затем в живую высокую женщину. Еще до полного появления она устремляется к Барбикену, распространяя вокруг себя напоенный сосновым ароматом ветерок.

– Во имя Верна, что ты творишь?! – восклицает она.

Это рыжеватая блондинка в довольно упрощенном варианте летной формы: короткий желтовато-коричневый китель оставляет открытым большую часть живота, на ногах грубые ботинки, а дополнением к костюму служат форменная фуражка, офицерский шарф и очки как у легчика-истребителя. Темные брови подчеркивают холодную красоту треугольного лица, алые губы сжимаются в тонкую линию.

– Что я творю? Что я творю? Добываю ценный исторический артефакт! – Барбикен недоверчиво осматривает женщину. – Чехова, дорогая моя, это не по правилам! Ты оскорбляешь нашего гостя! Рауль – настоящий джентльмен!

– Я знаю, кто он, старейшина, – отвечает Чехова. – Вопрос в том, знаешь ли это ты?

В Рауля д'Андреzi я преобразился субъективную неделю назад, в вире «Шкафа», за четыре дня до того, как «Боб Говард» прибыл на Сатурн.

Я сижу за нашим обычным столом, передо мной парит мыслезеркало – стеклянный диск, который на самом деле является виром, подключенным к моему дорсальному потоку. Лицо слегка седеющего мужчины с тонкими бровями, впалыми висками и глазами Петера Лорре постепенно сменяется обликом смуглого, более молодого и грубоватого человека. Одной смены лица, конечно же, недостаточно – мои миньоны уже выкладывают тщательно проработанную информацию, так что это только начало.

– Что ты делаешь? – спрашивает Матчек.

Я отвечаю сердитым взглядом. Чистка вира заняла у меня немало времени. Пока я отсутствовал, Матчек дотошно воспроизвел просторы Нарнии, при этом почти до предела истощив скудные технические ресурсы «Шкафа». Несколько драгоценных часов ушло на то, чтобы убрать острова, населенные одноногими людьми, и выловить кентавров и говорящих мышей с ружьями. Даже сейчас я не до конца уверен, что уничтожил их всех, а тем более не могу понять, как мальчишке удалось их создать. Хотя, если учесть, что его будущая сущность станет архитектором основания Соборности, не стоит удивляться его способности взламывать вир, выстроенный с помощью древней аппаратуры корабля. Кроме того, я подозреваю, что он получил помощь от Ауна.

Я сделал все возможное, чтобы поместить его в «песочницу», в изолированную систему, и с тех пор он молча дуется, глядя на голубой пейзаж за виртуальным окном, на всевозможные разноцветные коралловые рифы, выросшие в невесомости, и проплывающих между ними смуглых гуманоидов с рыбьими хвостами, оставляющих за собой серебристые пузырьки. Пуля Вана вместе со «Шкафом» надежно укрыты в наполненной водой утробе «Мести полосатика», корабля китоморфов, направляющегося к Япету.

– Я готовлюсь стать другим, – говорю я несколько строже, чем намеревался, но, похоже, Матчек не обращает на это внимания.

– Зачем?

Я провожу пальцами по поверхности зеркала. Мои мысли становятся такими же ровными и гладкими. После кват-сообщения Исидора мне пришлось прибегнуть к метасущности, чтобы успокоиться. Я даже не смог расшифровать прикрепленную к последнему посланию информацию: она представляла собой такую квантовую путаницу, что аппаратура корабля оказалась бессильна.

– Каждому иногда приходится это проделывать.

Где-то в глубине души я отчаянно хочу напиться. Я хочу заорать. Хочу разбить зеркало на миллион осколков. Разнести этот вир до самого основания. И у меня болит голова.

– А я не хочу, – отзывается Матчек. – Мне нравится быть самим собой.

– Даже когда ты играешь в войну с Зеленым Солдатом? – негромко спрашиваю я. – Или когда хотел стать Безмолвием?

– Ну, это просто притворство.

– Вот и у меня то же самое. Только надо хорошенько притвориться.

Я слегка поправляю форму носа. Мы уже встречались с Барбикеном, так что надо тщательно позаботиться о своей внешности и придерживаться образа, чтобы избежать внутреннего конфликта.

– А кем ты собираешься стать? – спрашивает Матчек.

Я даю команду виру изменить мою мыслеформу. Плечи становятся шире, появляется военная выправка, кожа темнеет, я облачаюсь в эффектный костюм с жилетом и золотыми цепочками. Облик Рауля я принимаю с удовольствием. В прошлом я не раз использовал этот образ на Марсе.

Матчек изумленно хлопает глазами.

– Это Рауль д'Андреа, – изменившимся голосом говорю я. – Торговец антиквариатом.

Внезапно я ощущаю непрошенный запах дерева. «Дыхание Тадеуша». Первый бокал вина, выпитого в обществе Раймонды. *Черт бы побрал эти старые виру. Они не настолько детализированы, чтобы по-настоящему напиться, одни только воспоминания.*

Я качаю головой. *Притворяйся старательнее, Жан.*

– Он выглядит *скупным*, – замечает Матчек. – Зачем тебе понадобилось превращаться в него?

– В этом и состоит смысл. Он должен внушать доверие. Казаться немного уставшим. Опытным. Компетентным. Тем, кто много повидал. Тем, кто достаточно утомлен, стремится к спокойной жизни и ради этого готов немного отступить от правил.

– Это и *есть* скучный. Но мне понравилось, как ты изменялся. Покажи, как это делается.

– Нет. Я считаю, ты уже достаточно поиграл с виром.

Я восстанавливаю свою обычную мыслеформу и кладу зеркало на стол.

– Почему бы тебе...

Я умолкаю, не в силах придумать какое-то занятие для мальчика.

– Здесь скучно. Ты скучный. Люди-рыбы скучные. Я тоже хочу изменяться.

– Я же сказал, что это не...

– А я хочу, хочу, хочу!

По ткани вира пробегает рябь. Матчек начинает изменяться. Черты его лица плавно пере-
текают в новую форму – первый облик в зеркале, карикатуру на меня.

– Смотри! – радостно кричит он. – Я сам это сделал!

Головная боль превращается в сплошной белый шум. В груди расправляет когти темное чудовище. Я поднимаю руку. В глазах Матчека вспыхивает страх. Мой кулак опускается на зеркало, а в голове грохочет код Основателя, полководца Сумангуру, – *мертвые дети, и ржа, и пламя, и кровь.*

Время в вире останавливается. Матчек застывает на месте, возвращая себе обычный облик. Осколки зеркала, острые и сверкающие, парят в воздухе, словно корабли на Магист-
рали.

Ярость мгновенно утихает. В голове гаснет эхо воинственного кода Сумангуру. Я не могу смотреть в испуганное лицо мальчика и отворачиваюсь.

Еще через мгновение базовая программа, управляющая виром, ведет себя совершенно непонятно. Она извлекает из секретного кэша какую-то сложную команду, недоступную моему пониманию. Я вдыхаю полной грудью.

Он уже был здесь.

Матчек начинает двигаться все быстрее и быстрее. В одно мгновение он огибает стол и мечется между полками так стремительно, что взгляд не успевает за ним следить и фигура превращается в размытое пятно.

– Матчек, стой!

Я уравниваю наши скорости.

Он стоит передо мной, и по лицу текут слезы.

– Не сердись, Принц, – говорит он. – И прости меня за Нарнию. Ты ушел, и я не знал, чем заняться. Ты говорил, что я тоже могу помочь освободить Миели, но все делаешь сам.

Я вытаскиваю из рукава шелковый носовой платок и вытираю ему лицо.

– Я понимаю, Матчек. Я не должен был так злиться. Это не твоя вина. Случилось кое-
что... плохое, и я слишком много об этом думаю.

– А что случилось?

– Это не важно. – Я улыбаюсь. – А ты здорово устроил этот последний фокус со временем. Можешь рассказать, как это делается?

Он пожимает плечами.

– На пляже я часто играл в игры на время, а потом стало скучно. Всегда надо иметь такой триггер, который помогал бы увеличить скорость, если где-то случайно промедлишь, чтобы не пропустить конца света.

Эге.

Я планировал отправить в изолированную систему весь вир «Шкафа» и таким образом затормозить время Матчека, чтобы он даже не заметил моего отсутствия, пока я занимаюсь на Япете своими делами. Но это явно не сработает. Можно было бы создать более устойчивый вир, но у меня на это нет времени, кроме того, я начинаю сомневаться, что какая-либо моя конструкция может его задержать.

Я смотрю на Матчека, на его тонкие темные волосы, которым суждено быстро поседеть, на вздернутый нос и упрямую линию губ, и в груди поднимается странное тепло.

Надо найти няньку. Было бы намного проще, если бы я мог оставить с ним свою копию. К несчастью, Жозефина устроила так, что я остался одноэлементным белым мужчиной и не способен создавать собственных гоголов, а доверять заботу о Матчеке парциалу я не могу. Жители Сирра по-прежнему в состоянии сжатой информации, и до конца миссии я не в силах их вызвать. Кроме того, я не рискну позвать кого-то извне: Матчек опасный спутник – ранний гогол Основателя Соборности.

Остается только...

У меня вырывается вздох. Других вариантов быть не может. Мне придется обратиться к Ауну.

Я осторожно собираю осколки мыслезеркала и кладу их на стол.

– Послушай меня. Вот тебе головоломка. Если сумеешь собрать зеркало заново, можешь оставить его себе. Я должен уйти и кое-что сделать, но это ненадолго. А когда вернусь, приготовлю тебе горячий шоколад. Как тебе такое предложение?

Матчек, воплощенное послушание, садится на стул, опирается локтями о столешницу и указательным пальцем начинает передвигать осколки.

– Будь осторожен, они очень острые, – предупреждаю я его.

Я ухожу в заднюю часть лавки, где стоит множество книг из Сирра, и почти слышу, как гудят мысли у Матчека в голове.

Здесь темно, свет излучают только заглавия на темно-синих обложках книг. Очертания предметов мягкие и немного нереальные: по краям вир не поддерживает детальную симуляцию, а пользуется способностью мозга к самообману. В узком проходе между стеллажами я чувствую себя насекомым между тяжелыми пористыми страницами книги.

Я невольно сглатываю. Я не до конца понимаю природу Ауна. Они вырвались на свободу во время Коллапса – или задолго до него выпущены Матчеком, если верить легендам. Это совокупность отчетливых простых контуров, живые мемы, населяющие мозг, словно паразиты. Они утверждают, что и я один из них, и зовут меня братом. Не могу сказать, что верю им. Я никогда не считал себя богом, но при встрече с ними у меня мурашки бегут по коже. И общаться с ними можно, только позволив им стать тобой.

Я вожу пальцами по корешкам книг, пока не отыскиваю нужную. Я открываю ее, и они поднимаются со страниц – боги Земли, не сотворенные людьми, извивающиеся огненные змеи, освещающие стеллажи вокруг меня мерцанием блуждающих огоньков.

Я закрываю глаза и впускаю их.

В меня вселяется Принцесса-трубочист. Ее голос звучит в моей голове, как будто мой собственный.

Привет, братец.

Я не брат тебе.

Ты пришел, чтобы присоединиться к нам?

Нет.

Ты готов доставить наших детей в наш новый дом?

Нет. Пока еще нет.

Я потираю виски. *Сирр*. Последний город Земли, вырванный из лап Драконов. Одно дело – ребенок, а другое – целая цивилизация. Я обещал Таваддуд спасти их. *Остались одни обещания*. Я стискиваю зубы.

Ты снова плетешь обманы, братец. Мы надеемся, что ты не забыл свое обещание.

Я не забыл. Вы получите новый дом, так же как и жители Сирра. Но сначала мне нужно кое-что сделать.

Тебе нужно что-то украсть.

Да. Мне придется покинуть вир, и я хотел бы, чтобы вы присмотрели за мальчиком. Развлеките его. Расскажите ему сказки. Займите его чем-нибудь.

Что ты собираешься украсть на этот раз? Воспоминания? Истории? Души? Мечты?

Это не ваше дело.

Как мы можем быть уверены, что ты вернешься? Ты уже бросал нас.

Я держу свое слово.

Они поднимаются в моей голове, поднимаются все – и Кракен, и Зеленый Солдат, и Принцесса; смерчи мыслей обволакивают мой мозг щупальцами молний.

ОБЕЩАНИЯ – ЭТО ХОРОШО, режут они. **НО СТРАХ ЛУЧШЕ. МЫ ВСЕГДА ЗДЕСЬ. МЫ ВСЕ СЛЫШИМ. НЕ СМЕЙ НАС ПРЕДАВАТЬ.**

Я падаю на колени. Аун покидает меня, и все вокруг затягивает пыльная темнота. Внезапная тишина оглушает. Я дрожу всем телом, хоть и нахожусь в мыслеформе.

– Знаете, – произношу я вслух, – я начинаю склоняться к идее Принца-цветка. В самом деле, нет ничего лучше семьи.

Со мной опять говорит Принцесса, на этот раз негромко и спокойно, словно шуршит дождь.

Мы будем навевать сны нашему отцу, как уже делали это раньше, давным-давно. Но это случится, когда ему тоже придет время проснуться.

– Да. Еще не сейчас.

– Его имя не Рауль д'Андреци, – говорит Чехова, многозначительно поглядывая на меня. – Верно ведь... полковник?

Я смущенно улыбаюсь.

– Старейшина, это полковник Снармиенто¹⁴. Из компании «Пикник на обочине для плюшевого мишки». Группа наемников, работающих в Сирре. На Земле. Как только поступило ваше волеизъявление, мне поручили проверить его происхождение. Оно оказалось сфабрикованным.

Барбикен молчит, но широко раскрывает глаза.

– Итак, полковник, – продолжает Чехова, – не расскажете ли нам свою историю?

Она складывает руки на груди и смотрит на меня свысока, словно очень сердитый, раздраженный учитель.

Я развожу руками.

– Что я могу сказать? Вы меня уличили. Я был с Плюшевыми Мишками. Там ведь не одни урсоморфы, хотя они полезны, если нужны деньги. Прошу прощения за маскарад, но я хотел бы, чтобы бывшие работодатели и дальше оставались в неведении относительно моего местонахождения. Мишки способны на многое, но они *не* прощают. А мы... расстались довольно неожиданно.

Водить за нос зоку непросто. Но если у них и есть хоть какая-то слабость, так это уверенность в возможности решения какой бы то ни было проблемы. Для них любая задача проста и очевидна, как в игре: они с ней справились, и она их больше не интересует. Под моей личиной

¹⁴ Полковник Снармиенто – еще одно из имен Арсена Люпена.

скрывался другой, более убедительный образ, подкрепленный фактами, собранными Миели во время службы в рядах Плюшевых Мишек. Если хорошенько постараться, можно расколоть и оболочку полковника Снармиенто, но я уверен, что Чехова не будет даже пытаться это сделать. Особенно теперь, когда она старается произвести впечатление на старейшину.

– Значит, ты дезертир, – заявляет она. – И как же ты сумел заполучить пушку Верна, которой больше двухсот лет?

– Как вам, вероятно, известно, на Земле сейчас немного неспокойно.

– Если понятие «неспокойно» включает в себе поглощение мира *рекурсивно самосовершенствующимися антиэвдемоническими агентами*, то да, нам это известно. Профессиональный интерес.

В глазах Чеховой появляется голодный блеск.

– Так вот, еще несколько недель назад, до пришествия ченов, и я, и весь мой отряд начали подозревать что-то неладное. Мы решили, что пуля и еще кое-какие предметы из пустыни дикого кода будут достаточной компенсацией за службу. Возможно, мы несколько превысили свои полномочия, если вы понимаете, о чем идет речь. Но, по крайней мере, нам удалось оттуда выбраться. Большинству Мишек повезло меньше.

Я оборачиваюсь к Барбикену.

– Кажется, ты предлагал выпить? Я хотел бы поднять бокал в честь своих боевых товарищей. Бедняги, я горжусь, что служил с ними. А ведь у кого-то остались семьи, которые могли бы обрести новый дом в городе Супра.

Последнее утверждение было абсолютно достоверным: погибшая сослуживица Миели оставила на Поясе своих детенышей.

– Тем более сейчас, когда Соборность намерена поглотить все, что лежит в пределах орбиты Марса. Вот поэтому я и направился сюда. Но, похоже, все напрасно.

Вздых Барбикена напоминает рев кузнечных мехов.

– Отлично, полковник! Вот это история! А ты славный парень! Возможно, мы еще сумеем кое-что сделать.

Барбикен срывается с места и устремляется к медному глобусу, на котором выгравирована карта старой Земли, вот только наклон оси очень странный – Антарктида оказалась почти на экваторе. Старейшина ловко открывает сферу рукой-манипулятором, достает бутылку с темной жидкостью, три бокала и наполняет их. Его взгляд становится серьезным.

– Имена не имеют значения! Для нас важна лишь сцепленность. Предоставленный тобой спайм производит впечатление. Я по-прежнему заинтересован в сделке!

– Я возражаю, – вмешивается Чехова. – Если предмет, предлагаемый полковником, действительно подлинный и лишь недавно доставлен с Земли, нам необходимо держаться от него как можно дальше.

Барбикен удивленно поднимает брови.

– Вам известно, как пристально наблюдает за нами в эти дни Большая Игра, – продолжает Чехова. – Как вы считаете, что они предпримут, если мы приобретем предмет, возможно зараженный *Драконами*?

Барбикен поджимает губы.

– Верно, – говорит он. – Проклятые согладатаи!

– Большая Игра? О чем это она?

– Охрана зоку! Защищает нас от пространственно-временных угроз, по крайней мере, они так утверждают! Приобрели власть после Вспышки. – Лицо Барбикена мрачнеет. – Они завербовали несколько младших членов Клуба, чтобы те доносили о самых грандиозных проектах! Говорят, что они несут угрозу пространству-времени. Пф! – Он с тоской косится на свой бокал. – Но я должен признать, полковник, что в словах Чеховой есть смысл. В наше время приходится соблюдать осторожность.

Я приглядываюсь к Чеховой. Что за игру она ведет? Или она сама имеет какое-то отношение к Большой Игре зоку? Я еще не готов открыто идти с ними на конфликт, пока не готов. Возможно, придется дать задний ход и попробовать другие варианты. Но и на этот шаг потрачено много сил и времени. Времени, которого у Миели может не быть.

– Старейшина, я должен позаботиться о своих друзьях, – говорю я. – Так уж вышло, что Нарративисты-зоку из города Супра тоже заинтересовались моим товаром. Я думаю, они переправят пулю в Царство и воспользуются ею для создания какой-нибудь драмы в закрытом пространстве, хотя в этих вещах я не очень-то разбираюсь.

Барбикен фыркает.

– Отдать пулю Нарративистам! Это смешно! Фрагмент материи, обработанный ядерным пламенем, созданный ради определенной цели!

– Но мы должны считаться... – пытается вставить Чехова, однако Барбикен заставляет ее замолчать, махнув в ее сторону оружейной конечностью.

– Это же позор – сделать из пули метафору! – ревет он.

Я решаю подлить масла в огонь.

– Нет, в самом деле. Я много слышал об Ганклубе. Разве не ваши пустотные корабли Хокинга помешали Протокольной войне превратиться в настоящую катастрофу? Как я знаю, сравниться с ними в силе может только губерния. И вы хотите сказать, что опасаетесь других зоку, которые считают, что вы играете с огнем? – Я медленно качаю головой. – Наверное, лучше мне связаться с Нарративистами. Похоже, у ваших детишек храбрости больше, чем у вас.

Я обращаюсь не только к этим двоим, я говорю со всеми зоку, которых они представляют в Круге поезда.

– Я предлагаю вам исторический объект, оболочку снаряда, который выпущен из самой большой пушки, построенной в предшествующую Коллапсу эпоху, а вы отказываетесь из-за того, что он может быть грязным? Хорошо. – Я поднимаюсь. – Я буду вести дела с кем-нибудь другим.

Барбикен взмывает в воздух и медленно кружится, не замечая, что его ноги-двигатели прожигают дыры в обшивке кресла. У него крепко зажмурены глаза, что свидетельствует о напряженных раздумьях. Наконец он разворачивается и направляет оружейную конечность прямо мне в лицо.

– Ага! У меня есть идея, полковник! Компромисс! Мы не отступим от внутренней воли зоку! Ведь Чехова у нас эксперт по Драконам! Она исследует объект в Арсенале вплоть до молекулярного уровня. Таким образом будут соблюдены требования безопасности. И все довольны. А?

Все, кроме меня, спрятавшего внутри запасное миниатюрное тело с ЭПР-уровнями, которыми я собирался воспользоваться, чтобы выкрасть из Арсенала свой корабль.

Но я только улыбаюсь и киваю и тотчас начинаю работать над планом «Б».

5

Миели и бездна

Миели стоит на балконе. Нал головой невероятно огромное бледно-голубое небо с белым шрамом посередине. На лицо падает яркий теплый солнечный свет, но это рассеянные отраженные лучи, собранные гигантским зеркалом в космосе и превращенные в мягкое освещение. Как ни странно, оно напоминает ей об Оорте, о доме.

Но на этом сходство заканчивается.

Высокое белое здание, в котором она находится, построено из округлых, похожих на раковины модулей, изобилующих террасами и балконами. На залитых солнцем площадках сидят или лежат смуглые люди, окруженные ореолами сверкающих камней. Внизу течет канал. Его голубая лента тянется в бесконечность и теряется в дымке где-то далеко-далеко. Над каналом лениво парит золотая гондола на двух пурпурных баллонах. По обоим берегам тянутся аллеи, а здания отделены друг от друга серебристыми линиями. С балкона виден храм с луковичами и шпилями пагод, поднимающийся над пустынным полем темной электронной схемы; ряд коралловых замков; а вдали сквозь серый туман проглядывает город. Еще дальше высится гора с белоснежной вершиной, вокруг которой летают краснокрылые существа, слишком большие, чтобы быть птицами. У горизонта возвышается сооружение, по своему размеру сравнимое с самим небом, – широкая, мерцающая металлом арка на тонких белых колоннах. Справа и слева поле зрения ограничено двумя облачными стенами янтарного оттенка.

У Миели начинает кружиться голова. Она никогда не любила планеты: они слишком велики для нее, а здесь небо и горизонт значительно превосходят все, что ей доводилось видеть. Она фокусирует взгляд на голубой ленте канала. Вдоль него движутся сотни зоку в своем истинном обличье – вихри драгоценных камней и тумана сбиваются в группы, словно стаи птиц. Внезапно они напоминают Миели о сне, который привел ее сюда.

В город Супра.

– Не хочешь выпить чаю?

Миели оборачивается. Системы в ее организме активны, но не фиксируют никакой угрозы. В комнату вошла усаги-ронин. Она босиком, а из одежды только потрепанные голубые брюки и простая зеленая рубашка. Здесь она ниже ростом, чем Миели. Цвет кожи напоминает молочный шоколад. Рот слишком широк для такого типа лица, зато глаза большие и ярко блестят. В руках у нее поднос с небольшими чашечками и зеленым нефритовым чайником. Она кивком приглашает Миели вернуться в комнату.

Миели с опаской повинуется. Они находятся в небольшой квартире. На белых стенах висят яркие цветные листы со старинными на вид двухмерными изображениями молодых людей, воплощающих Высших Манаиа¹⁵. Здесь нет интеллектуальной материи, немногие предметы мебели изготовлены из дерева и ярких тканей ручной работы. Простота обстановки контрастирует с царящим снаружи безумием. *Несомненно, это сделано намеренно.*

Усаги-ронин грациозно наклоняется и ставит поднос на маленький столик, а затем и сама, скрестив ноги, опускается на подушки.

– Выпей. Это сэнтя¹⁶. Или хочешь поесть?

¹⁵ *Манаиа* – мифическое существо, представляющее собой человека с птичьей головой и рыбьим хвостом, которое считается посредником между богами и смертными.

¹⁶ *Сэнтя* – сорт зеленого чая.

Миели осторожно опускается на колени: сила тяжести здесь велика для нее, почти такая же, как на Земле. Несмотря на это, она чувствует себя сильной и легкой, а руки и ноги после многодневного восхождения уже не болят. Она одета так же, как одевалась на «Перхонен», – в черную тогу, вокруг щиколотки цепочка из камней, принадлежавшая Сюдян. Внезапно Миели замечает, что держит в руке спасший ее камень зоку – голубой овал величиной меньше ладони, пульсирующий неярким светом и распространяющий слабый аромат цветов. Она кладет камень на стол перед собой.

Усаги-ронин видит камень и улыбается. Она ставит перед Миели чашку и наполняет ее дымящейся ароматной жидкостью.

– Послушай, мне жаль, что так получилось в Царстве, – говорит она. – Гора и все такое. Теперь я понимаю, что все это было для тебя так необычно. Мы почти всегда стараемся ввести сирот через Царства, так им легче разобраться со своими проблемами: они получают возможность сформировать собственные образы по заданной нами схеме. Между прочим, ты очень хорошо справилась. Я не смогла предугадать такого финала. – Она берет чашку в свои маленькие руки и осторожно делает глоток. – Кроме того, я не понимала, как много технических возможностей в твоей истинной форме. Одна из подсистем, боевых, включилась в борьбу, поэтому после я подумала, что нам лучше начать все сначала. Как ты считаешь?

Миели пристально смотрит на нее. Изготовленные Соборностью системы функционируют нормально, и она поручает нескольким гоголам исследовать окрестности. Через мгновение поступает подтверждение того, о чем она уже догадалась: она находится на Полосе плотной интеллектуальной материи длиной несколько тысяч километров и шириной несколько сотен, неподалеку от экватора Сатурна. Тем не менее получить доступ к местному спаймскейпу гоголы не могут – или Миели изолирована защитой, или не обладает необходимым кодом доступа.

– Что я здесь делаю? – спрашивает она.

– Все, что захочешь. Может, начнешь с чая? Ты к нему не притронулась. Да, кстати, в этом Круге меня зовут Зинда.

Миели хмурит брови. Весь ее опыт общения с зоку заключается только в их убийстве, да и то два десятка лет тому назад. Во время Протокольной войны она в процессе погони прошла через несколько миров, созданных в Супра, но ни один из них даже отдаленно не напоминал тот, в котором она оказалась сейчас. Судя по данным ее сенсоров, квартира полностью соответствует своей видимости вплоть до молекулярного уровня. А вот Зинда – нечто иное: сочетание фоглетов и камней зоку, хотя человеческое тело прекрасно имитирует настоящий организм вместе с внутренними органами и пищеварительной системой.

– Я хотела бы выяснить, что произошло с моим кораблем.

– Гм. Мы перейдем к этому немного позже, – отвечает Зинда. – Сначала я попытаюсь обрисовать общую ситуацию: ты оказалась здесь после того, как зоку Радужной Таблицы – к которым ты, между прочим, принадлежишь – случайно тебя обнаружили. Они не знали, как осуществить твоё волеизъявление. Это сообщество чаще имеет дело с маршрутизаторами, Царствами и тому подобными вещами, они лучше разбираются в пикотехнологии, чем в людях. Поэтому твоё желание передано нам, Высшим Манаиа. Мы, если можно так выразиться, заботимся о... заблудших овечках. О тех, кто хочет вернуться. – Зинда сдержанно улыбается. – О таких, как ты.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. – Миели осторожно пробует чай. Он тоже такой, каким и должен быть: слегка горьковатый и уже остывший, и она, неожиданно для себя, наслаждается его вкусом. – Я не могу остаться. Я должна вернуться на свой корабль.

– О, моя дорогая. – Зинда становится серьезной. – Ты, безусловно, можешь уйти в любой момент. Но высказанное тобой желание было совсем не таким. Ты хотела попасть домой, и вот ты здесь.

Миели медленно поднимается.

– Я Миели, дочь Карху из кото Хильяйнен в Оорте. У меня с вами нет ничего общего.

Но где-то в глубине души возникает ощущение холода. *Подкинутый ребенок. Дитя солнечных кузнецов, отданное вместе с Маленьким Солнцем под защиту и опеку кото.*

– Волеизъявление – странная вещь, – говорит Зинда. – Камни реагируют не на то, что мы хотим, а на то, что должны были бы хотеть, если бы были немного мудрее и обладали достаточным опытом. В целом зоку пытаются *экстраполировать* реальную потребность на общую волю. Я приведу пример. Скажи, чего бы тебе хотелось. Пусть это будет еда или что-то подобное.

Миели в нерешительности.

– Это бессмысленно.

– Ну же, давай. Не относись к этому так серьезно.

Миели вздыхает.

– Лакрица. Я хочу лакричную конфету.

– Отлично! Итак, у нас две коробки, А и Б. – Зинда переворачивает две чашки. – В коробке А лежит лакричная конфета. Мне известно, что в действительности ты хочешь отыскать именно ее. Ты просишь открыть коробку Б. И какую, по-твоему, коробку я должна открыть?

Миели растерянно моргает.

– Поняла? – спрашивает Зинда.

– Но это же совсем другое дело.

– Да, конечно, вычислить идеальный вариант намного труднее. Реальное экстраполированное волеизъявление определить невероятно трудно, PSPACE¹⁷ – трудно или вроде того, поэтому обычно мы прибегаем к ускоренным методам и допущениям. Возможно, ты и не хочешь здесь находиться, но этого хочет твоя будущая сущность.

– Я так не думаю, – отвечает Миели.

Зинда ободряюще улыбается.

– Послушай, я много раз через это проходила. Все нормально, и пусть тебя это не смущает. Почему бы тебе не попробовать? Мы же не Соборность, с которой ты некоторое время была связана. Мы просто предоставляем тебе квантовую сущность, чтобы расширить твое «я». Мне кажется, ты легко освоишься. – Она наливает себе и Миели еще чаю. – Я хочу сказать, мы немного изучили тебя, пока ты была в Царстве. В твоём теле и разуме отчетливо прослеживаются отличительные черты замысла зоку. Насколько я могу судить, это принадлежность к юпитерианскому сообществу Эйгон. Как тебе известно, до Вспышки они вели торговлю с Оортом. Не хочу показаться излишне любопытной, но неужели тебя это сильно удивляет?

¹⁷ PSPACE – в теории сложности вычислений набор всех проблем разрешимости, доступных к разрешению машиной Тьюринга с полиномиальным ограничением пространства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.